

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 3/86
Март

ISSN 0131—5994

КОПЕНГАГЕН. 194 общественных и политических деятеля, представляющих более 120 национальных организаций и движений сторонников мира из 58 стран и 18 международных организаций, приняли решение о подготовке и проведении всемирного конгресса, посвященного Международному году мира — году активной борьбы против военной угрозы, за предотвращение милитаризации космоса и прекращение гонки ядерных вооружений. Конгресс намечено провести в Копенгагене 15—19 октября 1986 года.

Растут и крепнут ряды участников антивоенного движения на всех континентах, об их самоотверженной борьбе рассказывают сообщения на этих страницах.

ГРИНЭМ-КОММОН. Девятимильная ограда расположенной здесь американской военной базы крылатых ракет в этот день была украшена символами жизни — детскими рисунками, фотографиями детей, цветами, плакатами и лозунгами, рассказывающими о борьбе за мир в разных районах нашей планеты. Двадцать пять тысяч англичанок — служащих, студенток, работниц, домохозяек,— взявшись за руки и повернувшись спиной к базе, образовали живую цепь, символизирующую единство английских женщин в их стремлении отстоять жизнь на земле, лик-

Когда речь идет о сохранении мира, об избавлении человечества от угрозы ядерной войны, не может быть посторонних и безучастных. Это дело всех и каждого.

М. С. ГОРБАЧЕВ

видировать американские «арсеналы смерти». Чуть больше шести лет назад по указке США сессия совета НАТО приняла решение разместить в Западной Европе американские крылатые ракеты и «першинги». И все последние годы стоят «дозоры мира» возле базы в Гринэм-Коммон. Женщины, еще совсем недавно далекие от политической и общественной жизни, становятся активистками антивоенного движения. Их самоотверженность и стойкость дает позитивные результаты: согласно опросу, проведенному в конце прошлого года институтом Гэллапа, 60 процентов жителей Британии считают, что их страна должна выйти из НАТО, а следовательно, и убрать все ракетные базы США со своей территории.

ХАЙЛЬБРОНН. Рассказ американского журналиста Самюэля Дэя-младшего, который приехал в ФРГ посмотреть на места, где прошла его молодость, когда тридцать четыре года назад правительство США отправило его, молодого призывника, в Западную Европу «защищать ее от коммунизма»: опубликовал журнал «Прогрессив». «...Ворота базы США в предместьях Хайльбронна, где теперь размещены «першинги». За колючей проволокой в будке двое солдат. Снаружи к проволоке прикреплены таблички на немецком и английском: «Сторожевые псы «защитников» Европы». Здесь же неторопливо прогуливаются участники антивоенной демонстрации. Поодаль стоит автобус, набитый сонными полицейскими, их обеспечивает правительство ФРГ. К воротам подъезжает армейский грузовик. Демонстранты моментально окружают машину, загородив проезд. Сквозь толпу пробивается полиция с резиновыми дубинками. Демонстрацию разгоняют. Стражи порядка возвращаются в свой автобус охранять торчащих за колючей проволокой «защитников» Европы. «Американцы тут как в тюрьме,— сказал мне парень из пикета мира.— Они сами себя туда засадили». Он засмеялся. А я подумал, что если бы я жил в ФРГ, я бы присоединился к «пикетам мира».

ХЕЛЬСИНКИ. Жители Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии требуют создать на Севере Европы безъядерную зону. Практически все политические партии и общественные организации региона одобряют это требование, хотя правые политики — и с оговорками и оглядками на НАТО. Сторонники мира северных стран многотысячными манифестациями выражают желание своих народов предотвратить ядерный кошмар.

СИДНЕЙ. Союз австралийских женщин передал парламентским представителям лейбористской партии петицию мира, подписанную тысячами и тысячами граждан Австралии. Подписи собирали многие месяцы активистки союза во всех городах и поселках страны. В петиции — требование к правительству более активно добиваться упразднения американских военных баз на территории страны, превращения Индийского и Тихого океанов в зону, свободную от ядерного оружия.

ПХЕНЬЯН. Трудовая партия Кореи и общественные организации КНДР выступили с совместным заявлением, в котором призывают корейцев Севера и Юга сплотиться в общенациональной борьбе за ликвидацию запасов ядерного оружия, размещенного в Южной Корее. Общественность КНДР выражает надежду, что советско-американский диалог на высшем уровне не только принесет ощутимую пользу для дела мира во всем мире, но и окажет воздействие на превращение Корейского полуострова в безъядерную зону, на устранение угрозы ядерной войны в этом районе Азии.

ВАШИНГТОН. «Остановить ядерное безумие!» — под таким лозунгом прошла манифестация сторонников мира у здания министерства энергетики. Участники антивоенного движения и представители общественности США требуют прекратить ядерные взрывы в военных целях.

МОСКВА. «Сорок лет борьбы за мир» — так называлась выставка, подготовленная журналом Социалистического союза молодежи Чехословакии «Млади свет» и показанная в Доме культуры посольства ЧССР в Москве. Она рассказывала о борьбе Советского Союза и других социалистических стран за сохранение и укрепление мира на земле, против гонки вооружений, против кошмара ядерной войны. На выставке также был показан вклад чехословацкой молодежи в общее дело сохранения жизни на нашей планете.

«Дети против войны!» Рисунки итальянских детей.

Человечество стремится в небо, к звездам. XX век — век покорения воздушного океана. А двадцать первый век, считают ученые, все-таки останется за океаном водным.

Мы долго жили в уверенности, что подземные кладовые никогда не оскудеют. Быстрый научно-технический и промышленный прогресс привел к тому, что возникла реальная угроза истощения недр. Подсчитано, что если даже население планеты не будет увеличиваться, то запасов энергии на суше хватит века на полтора. В поисках новых источников сырья человечество обратило взоры к Мировому океану. Запасы полезных ископаемых, необходимых продуктов питания в морских глубинах практически неисчерпаемы.

Неудивительно, что роль моря и морского транспорта в мировой экономике возрастает с каждым годом. В трудном положении могут оказаться страны, не имеющие выхода к морю. И здесь находит свое проявление реальная сила социалистической интеграции.

ЦОГБАДРАХ — МОРЕХОД

В 1971 году странами — членами СЭВ было заключено многостороннее Соглашение о сотрудничестве в морском торговом судоходстве, которое по своим принципам и характеру не имеет прецедентов в мировой практике мореплавания. Оно гарантирует равные права и взаимную выгоду не только традиционно «морским» государствам, но и тем, кто не располагает портами на побережье. Благодаря социалистической интеграции теперь свой флот имеют такие сухопутные в прошлом страны, как ВНР и ЧССР. В будущем планируется создание своего флота и у социалистической Монголии.

Одесское высшее инженерное мореходное училище имени Ленинского комсомола (ОВИМУ) — один из лучших вузов страны. Специалистами высшего класса вместе с советскими ребятами в его стенах становятся и будущие моряки почти из 40 стран мира.

С чего начинается моряк! Может, с особого морского языка! Пол — палуба, комната — кубрик, стена — переборка. Или с первого выхода в море! Что нужно для того, чтобы стать настоящим моряком!

Цогбадрах Жарантайн в этом году заканчивает училище. Он и его товарищи — первые моряки в истории Монголии. Его мы и попросили ответить на вопрос, как становятся настоящим моряком.

М. ШИШКИН,
Л. ОГАРЕВ (фото),
наши спецкоры

Мальчишкой я выписал себе слова Жак-Ива Кусто: «Вся наша жизнь, даже в самом сердце американского Среднего Запада или Сибири, зависит от моря».

Мой отец — арат, крестьянин-скотовод. И дед был аратом. Все мужчины из рода Жарантайн были аратами. А я, Цогбадрах Жарантайн, сын арата, родом из Хубсугульского аймака, буду моряком. Почему я решил связать свою жизнь с морем? Все задают мне этот вопрос, будто на него ответить так же просто, как сказать, сколько тебе лет.

Может быть, все началось с Хубсугула. Помню, отец первый раз привез меня на берег огромного озера. Я привык: земля — это пустыня, а вода — это то, что всегда надо беречь. И вдруг — целая пустыня воды. Может, все началось тогда...

А почему вообще люди становятся моряками? Что увлекает их от дома,

покоя, твердой земли под ногами в даль, в неизвестность? Зачем ищут альпинисты самые отвесные склоны? Что влечет ученых открыть неоткрытое?

Наверно, в этом суть человека. Ведь и будни состоят из открытий, из узнавания. Рассвет. Дерево. Улица, по которой каждый день ходишь. Вдруг она так осветилась на закате, что ты ее для себя открываешь.

Страсть открытия, по-моему, и уводит человека от домашнего уюта — в горы, в небо, в море.

Есть вещи, которые можно открывать для себя бесконечно. В Иркутске, когда учился на подготовительном, обложился словарями, комментариями, переводами и читал «Евгения Онегина». Мне казалось — все понимаю. А сейчас взял с собой в последнюю плавпрактику — совсем другой роман, совсем другой Пушкин. Просто я изменился и открывал его заново.

И вот мы решили стать моряками — Батсух Доржсуренгийн, Чулуунбаатар и я. Из Иркутска в Одессу ехали на поезде. Сидели рядком на полке, пили чай и смотрели в окошко. Первые монгольские моряки. Я даже плавать не умел.

Попутчики спрашивали, куда мы едем учиться, а услышав ответ, улыбались, думали, наверно,— мы их разыгрываем.

В Одессе первым делом пошли к морю. Не терпелось увидеть своими глазами. Был ноябрь, и страшно штормило. Подошли к самому прибою. Ледяной ветер обжигал уши, пальто продувал, как сеточку. Такое было море, что даже жутко стало.

Еще можно было отказаться, ничего бы не произошло. Но тогда была бы грош нам цена со всеми нашими мечтами.

Потом пошли в парикмахерскую, нужно было коротко постричься. Я, наверно, плохо объяснил, какая стрижка мне нужна, потому что девушка быстро постригла меня машинкой «под ноль». Ребята хохочут, а я сижу и смотрю в зеркало на это жалкое зрелище. Смешно и так обидно, хоть плачь. Тут Батсух и Чулуунбаатар взяли и тоже постриглись наголо — из солидарности, чтобы мне одному обидно не было. Так мы и ходили по училищу втроем с синими затылками.

И начались наши курсантские будни. Первый предмет — дисциплина. В шесть утра подъем, в десять вечера — отбой. Физзарядка, приборка, построение, форма. На завтрак — пятнадцать минут, на обед — двадцать. И все нужно успеть — и пуговицу пришить, и к семинару подготовиться. И все в тебе восстает против дисциплины — сначала. А потом очень быстро понимаешь, что дисциплина — твой помощник, помогает рассчитать время и сделать как можно больше, даже облегчает жизнь. Проходят первые месяцы в училище, и вот уже дисциплина и порядок входят в самое естество человека. С этого, наверно, и начинается моряк.

Стать моряком — это значит прежде всего стать настоящим специалистом. Современное судно — это целый комплекс сложнейших машин, механизмов, приборов, все новейшие достижения науки, техники. Современный моряк — это и инженер, и ученый, и изобретатель. Преподавание в нашем училище ведется на таком высоком уровне, я говорю это с гордостью, что считается уже общепризнанным: выпускники ОВИМУ приходят на флот профессионалами высокого класса.

Высокий профессионализм необходим в любой работе. А для моряка одного его мало. Работа в море требует еще чего-то. Какого-то морского коэффициента, что ли. Море — это не просто работа. Непотопляемых судов нет. И даже в наш век технического прогресса и покорения космоса море ежегодно отнимает десятки тысяч жизней, и нет дня в году без гибели на земном шаре хотя бы одного судна.

Чем сильнее человечество, тем слабее человек. Чем больше автоматика, приборы, роботы облегчают быт, работу, тем беспомощней без них люди. Современная техника позволяет плавать в таких условиях, при каких раньше не осмелился бы выйти в море и самый отважный капитан. В самый «слепой» туман судоводитель все видит через приборы и точно ведет судно. А если случится беда и откажет техника — как поведет себя человек?

В море особые взаимоотношения между людьми. Они доверяют друг другу жизнь. Человек не сам по себе — он частица экипажа. У каждого — обязательства перед всеми. На судне нет лишних людей. Какую бы должность ты ни занимал, от тебя зависит жизнь всех. И судно движется вперед только потому, что мы все составляем единое целое — экипаж. Будни на море — это всегда предэкстремальная ситуация. Когда приходит беда, человек проявляет только те качества, которые заложены в него буднями. Учиться быть моряком — это значит не только осваивать сверхсложную технику, но и учиться особому, морскому отношению между людьми.

На первых лекциях я ничего не понимал, так много сразу новых терминов, понятий. А группа уходит вперед. Витя Каширин, старшина нашей группы, стал помогать мне вечерами. Даже в увольнения иногда не ходил из-за меня. А когда на экзамене я получил пятерку, он радовался чуть ли не больше, чем я. Без Вити я бы, может, и вовсе не смог стать моряком. И Батсуху и Чулуунбаатару тоже помогали — Валера Тимофеев, Боря Чабаненко. Мы же экипаж — морская общность людей.

У нас учатся ребята чуть ли не со всего мира. Конечно, это трудно, приехать в чужую страну, пять-шесть лет жить вдалеке от родных. Есть и такие, у которых дома, на родине, обстановка неспокойна, письма не приходят месяцами.

Анташ Килулу из Анголы. В восемнадцать лет он пошел добровольцем защищать независимость своей республики, воевал с бандитами из УНИТА. Его дядя — капитан на каботажном судне. Надо было видеть, как он переживал, когда в газетах появились сообщения, что в водах Анголы стали подрываться суда на минах, установленных бандитами.

Педро Гомес — из Манагуа. Этого парня знает не только все наше училище, все одесские вузы — без его гитары не обходится ни один вечер интернациональной дружбы. Вокруг него всегда смех, шум. А иногда он такой печальный. Оба его младших брата сейчас в народной милиции, воюют в горах на севере Никарагуа с «контрас». Во время сандинистской революции Педро было шестнадцать лет. Мы спросили, принимал ли он в ней участие. Педро ответил — нет. Потом рассказал, что во время боев в Манагуа он помогал строить баррикады, перевязывал раненых, собирал для сандинистов оружие, брошенное сомосовцами. «В общем, как все мальчишки Манагуа»,— сказал он. Представляете, он считает, что не принимал участия...

Ребята из одной и той же страны учатся в разных институтах Одессы, земляки часто ходят друг к другу в гости, а Бернард Кхабакха один-единственный студент из Уганды на весь город. Его все к себе приглашают, ведь ему особенно нужно чувствовать — у него есть друзья.

Может показаться, что все это быт, детали, не имеющие отношения к главному — учебе. А это и есть учеба — мы учимся дружбе.

Плавпрактика — мечта каждого курсанта. Старшекурсники рассказывают о ней с видом морских волков, их слушают с завистью и ждут своего часа. Как мучительно долго длится ожидание! После первого курса у нас, судомехаников, практика в мастерских. Потом я поехал на каникулы домой. Вся родня собралась. У меня только братьев и сестер двенадцать человек. Станут расспрашивать про мои плаванья, что я скажу? Я в море еще ни разу и не был. Особенно я переживал за встречу с одной девушкой из нашего самона Улан-Ул. Я казался себе взрослым, а на самом деле был еще мальчишкой. Я боялся показаться смешным в ее глазах, а она просто была рада, что я приехал, и все.

Прошел еще год, и наконец за кормой нашего учебно-производственного судна «Горизонт» остался волнолом и закрутилась вертушка лага, отсчитывая пройденные мили. Вторая плавпрактика была уже на линейном судне — контейнеровозе «Николай Максимов». Ходили во Вьетнам, Гонконг, Индонезию, Малайзию. После четвертого курса везли на «Якове Бондаренко» сталь, трубы большого диаметра, технику — снова Вьетнам, потом Япония. Для настоящего моряка я плавал чуть-чуть,

совсем ничего, но для того, чтобы понять, правильно ли ты выбрал свою судьбу,— достаточно.

Что такое плавпрактика? Это работа. Вахта в машинном отделении — четыре часа постоянного напряжения. Все грохочет, крутится, пахнет мазутом, машинным маслом. Когда выходил на палубу, голова звенела, как погремушка. Стоял и ждал, пока уши снова привыкнут к шороху ветра, к волнам. Выматывался так, что еле добирался до койки.

Только на плавпрактике понимаешь, что такое работа. Машина — сердце судна. Жива машина — есть судно. Забарахлила — и уже перед тобой не лайнер, танкер или балкер, а беспомощный железный островок в океане. А жизнь судна зависит от меня, судомеханика.

Михаил Серафимович Толмацкий, второй механик на «Якове Бондаренко», учил меня чувствовать машину. Идет судно, и кажется, само по себе. А это работают тысячи механизмов, и каждый нужно понимать, различать на слух, уметь быстро найти и устранить неисправность. Он учил меня любить машину. Для него самого она стала чем-то живым, как бы продолжением собственных рук, сердца. Он нам, практикантам, устраивал маленькие экзамены. Скажет: «Вот этот клапан вышел из строя. Что будешь делать?» И если уж он ставил пятерку — значит, ты настоящий судомеханик.

В первый шторм я попал в Индийском океане. Сначала поверхность воды подернулась еле заметной зыбью. К вечеру море потемнело, появились барашки. Пошел дождь, ветер такой, что капли летели почти горизонтально. Шторм начался к ночи. Судно прыгало, как пинг-понговый шарик. Винт «прихватывал воздух»...

Я не встречал человека, который бы страдал морской болезнью на суше. Так и страх. Говорят, у моряков нет страха. Неправда, страх есть. Другое дело, с ним надо бороться. И лучший способ — работа. Уйти в нее с головой.

В море есть время подумать и осмыслить то, что в сутолоке на берегу не замечаешь. Море в многомесячном плавании предстает без прикрас, не праздником, а буднями. Главная опасность будней — однообразие: море уже не пахнет ни солью, ни водорослями, кажется, и вода не вода. В штиль поверхность океана так тверда и незыблема, что хочется шагнуть за борт и прогуляться, как по пустыне. К океану привыкаешь, перестаешь замечать его. Чем однообразней морские будни, тем сильнее может оглушить короткое пребывание в далеком порту. Может наступить самая страшная болезнь — потеря чувства первооткрывателя. Начнешь перелистывать мир, как цветные картинки. Такое не может, не должно происходить с настоящим моряком.

Настоящий моряк не просто судомеханик, или штурман, или кок, он — мореход, путешественник, первооткрыватель. Новые страны, люди, их обычаи, традиции, культура, природа — это его богатство. Но для этого нужна работа души. Нужно уметь делать открытия, учиться смотреть на мир открытыми глазами, впитывать в себя каждое новое ощущение — чью-то улыбку, взгляд, картину в музее, улочку в портовом городе, цвета, запахи — все это единственно и неповторимо. В Сингапуре, например, как-то особо приторно пахнет миндалем и терпкой гнилью тропических растений. А в Токио, куда нас возили на экскурсию, вообще невозможно дышать, если привык к чистому морскому ветру. За экзотикой, внешней мишурой нужно научиться видеть и понимать главное — человека. Какой он? Какие у него ценности в жизни? Что отличает его от тебя? Что сближает? Многое выдают детали, иногда совсем незначительные.

Вот японский грузчик залезает в кузов машины. У нас хватаются рукой за борт, ногу ставят на колесо, рывок — и ты наверху. А у японца есть для этого специальная лесенка.

В Италии у Пизанской башни вдруг замечаешь нацеленные на нее объективы теле- и фотокамер, готовых в любой момент запечатлеть гибель этого чуда. Вот она, в живом виде, готовность делать деньги.

Когда подходишь к Гонконгу, открываются белые небоскребы на фоне зеленых гор. На центральных улицах — роскошные магазины, конторы банков. Пройдешь чуть дальше — такая нищета.

Во Вьетнаме разгружали сельхозмашины. Портовые рабочие принимали как родных, угощали фруктами. Я спросил у одного парня: «Ты меня видишь в первый раз, а относишься как к брату. Почему?» Он говорит: «Ты советский. Брат!» Он подумал — я советский, раз корабль из СССР. Вьетнамцы помнят, что советские моряки под бомбежками доставляли во Вьетнам во время войны необходимое: медикаменты, продовольствие.

Мы говорили и с итальянским портовым рабочим. Нас возили на экскурсию, и он спросил, что нам понравилось. Стали рассказывать о великолепных музеях, о Тициане, Рафаэле. Он был поражен, даже переспросил, действительно ли мы механики. Ему было удивительно, что простые люди интересуются искусством.

Только в море по-настоящему чувствуешь, как необходим человеку дом, твердый причал. Наверно, поэтому самый большой праздник — это возвращение.

Как мы ждали свидания с Одессой, как прихорашивали судно, как мыли, красили, драили все до блеска! Подошли поздно вечером, порт и город светились огнями. Только в тот вечер я почувствовал, какой родной стала для меня Одесса.

Вернулись из плавпрактики и пошли к Дюку, на Приморский бульвар. Идем, смотрим на порт, на деревья, на девушек, смотрим друг на друга, и кажется, будто мы какие-то не такие. А навстречу нам первокурсники. И мы поняли — это, наверно, форма. Когда-то она тоже сидела на нас мешком, а теперь идем стройные, подтянутые. Форма-то такая же. Значит, это мы уже так изменились. Последний курс.

Скоро пора расставаться. Разъедемся по всему миру, и Педро Гомес, и Анташ Килулу, и Витя Каширин, и все мы. Будем работать, плавать, радоваться, огорчаться — жить. И все равно будем все вместе, потому что каждый из нас уже частичка нашего экипажа, навсегда. Есть такое понятие — морское братство. Без этого братства не может быть ни моряков, ни моря.

Стал ли я настоящим моряком?

Могу даже показать грамоту, подписанную самим Нептуном. Когда шли из Вьетнама в Индонезию, пересекли экватор. Я только отстоял вахту, поднимаюсь из машинного отделения, в ушах еще звенит, перед глазами все вертится, вдруг на меня набрасываются, хватают за руки, за ноги и куда-то несут. Наши же ребята, а никого узнать не могу — все черным перемазаны, кто черти, кто морские пираты, одноглазые, в разбойничьих платках, свистят, хохочут. Хотел вырваться — куда там. Притащили к Нептуну, его-то я узнал — наш начальник практики. В короне, а борода все время отклеивается. Стукнул трезубцем, спрашивает, кто я такой, откуда и зачем пришел в его владения. Я — Цогбадрах Жарантайн, отвечаю, сын арата, родом из Хубсугульского аймака на севере Монголии. Пришел плавать по твоим морям. Нептун бороду придерживает и головой качает: «Что-то не слыхал никогда, чтобы ко мне из таких стран приходили». Потом хлопнул по плечу: «Будешь ты, Цогбадрах, сын арата, моряком!» Тут черти и пираты схватили меня и в бассейн швырнули. Так я и стал моряком.

А если серьезно, то для того, чтобы стать настоящим моряком, нужно еще очень и очень много. Опыта, знаний. Умения быть сильнее себя. Мне в море все время снится дом, Хубсугул, скачки. А на земле — как мы ловили катранов на удочку в Красном море. Или как вечером крутят кино прямо на палубе. Сверху звезды, крупные, как полтинники, и на палубу падают летучие рыбы.

Ведь это вечное мучение моряков — в море тянет на сушу, а на суше в море. Или счастье.

СМОТРИТЕ

Безработица как тяжелая болезнь поражает человека. Родные смотрят на него с безнадежной жалостью, друзья — с беспомощным сочувствием, знакомые — знакомых больной человек обычно теряет. И говорят о ней медицинскими терминами — «синдром отверженности», «раковая опухоль». Вглядитесь в эти лица (верхний снимок, Англия). 37 процентов «больных» моложе 25 лет. Они ищут «лекарство» на бирже труда (Франция), жадно проглядывают газетные объявления (Италия). А болезнь уже давно стала хронической эпидемией: за последние пятнадцать лет безработица в «свободном» мире выросла в 3,5 раза, число пораженных «синдромом отверженности» достигло 30 миллионов. И никаких надежд капиталистический мир отверженным не оставляет: в ближайшие 15—20 лет безработица, считают экономисты, на Западе будет расти.

NO
SABATINI
NUOVI CONCORSI
IL POSTO
notiziario dei concorsi
NUOVI CONCORSI
CONDONO EDILIZIO

ГОРЬКИЙ САХАР

Морис ЛЕМУАН,
французский журналист

Перед тобой, читатель, два снимка — два взгляда на Гаити: вверху — дворец пожизненного наследного президента Жан-Клода Дювалье, торгующего страной и народом оптом и в розницу; внизу — гаитянцы, чьи предки первыми в Латинской Америке завоевали независимость для своей родины. Теперь они готовы покинуть ее ради работы где угодно и какой угодно. Безжалостна статистика: 94 процента гаитянцев живут ниже уровня абсолютной бедности и едят в среднем три раза в неделю. Дювалье изобрел новый способ нагреть руки на отчаянии своего народа: гаитянцам был «открыт» выезд в расположенную по соседству Доминиканскую Республику. По договору о так называемом ежегодном предоставлении работы 15 тысячам гаитянцев Дювалье получил от доминиканского правительства миллион двести двадцать пять тысяч долларов. Президент просто продал своих сограждан по цене 80 долларов за человека. «С учетом расходов за доставку на место», как сказано в договоре...

В кузове было настолько тесно, что ни о красотах озера Энрикильо, вдоль берега которого тянулась вереница грузовиков, ни о соблазнах обрамленного пальмами ослепительного белого пляжа в Бараоне думать не приходилось. Все эти «карибские жемчужины» останутся для туристов. А они не туристы.

Их выгрузили на площадке, окруженной колючей проволокой, хотя и без сторожевых вышек. С наступлением темноты отвели в огромный сарай с цементным полом, без кроватей, даже без циновок. Кто-то выругался — прорвало: скотское обращение. «Нет, не скотское,— тут же уточнил Пьер Дерозо из Петионвиля, уважавший точность во всем,— собачье».

Им раздали ужин: горсть сахара — вся еда. На ночь устроились прямо на полу, и к утру многие кашляли. После побудки принесли воды и снова сахар, такой же, что вчера, грязный, пополам с землей и всякой дрянью. «Нет, не как с собаками,— поправил себя Пьер Дерозо,— а как со свиньями!» И решительно двинулся в сторону торчавшего в дверях доминиканца, судя по откормленной физиономии, лица официального.

— Эй, парень, хватит потчевать нас этой пакостью! — крикнул он ему громко и возмущенно.

Кто-то перевел «официальному лицу», в чем дело [1]. У того заходили на скулах желваки. Бросив несколько отрывистых фраз, он повернулся к Пьеру Дерозо спиной и пошел как ни в чем не бывало.

— Чего это он? Обиделся? — удивился Дерозо.

— Обиделся! Говорит, что гаитянцы, мы то есть, куплены на твердую валюту, поэтому у нас только одно право — заткнуться.

Пьер Дерозо растерянно оглянулся на притихших товарищей, потом на солдат, стоявших поодаль и лихо поигрывавших автоматами, и тихо присвистнул: вот те на! Горсть сахара с землей на весь день! Значит, не зря ходили слухи про Дювалье...

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ СПРАВКА: экономика Доминиканской Республики — это сахар. Вернее, его экспорт в Соединенные Штаты. Плантации сахарного тростника поделены между тремя владельцами: фирмой «Вичини», чье торговое представительство существует в Нью-Йорке с 1882 года, американской

[1] *Доминиканцы говорят на испанском языке, гаитянцы — на креольском. Первые преимущественно белые или метисы. Вторые — черные, поэтому беглых гаитянцев легко вылавливают на территории соседней Доминиканской Республики.— Прим. авт.*

корпорацией «Галф энд Вестерн», для которой получаемые здесь 40 процентов доминиканского сахара — песчинка в ее карибском «королевстве», и Государственным советом. Именно он от лица государства и подписал с Дювалье контракт о предоставлении работы 15 тысячам гаитянцев.

...На поворотах шофер и не думал тормозить. Их швыряло то на один борт, то на другой. Дорога до того измотала, что даже на слова не было сил. Да и о чем в этой дороге говорить — по обеим сторонам только тростник, а если вдруг прогалина, то все равно везде тростник. Шофер ударил по тормозам, машина заскрежетала, подняв тучу пыли, и остановилась подле бараков. Запущенные развалюхи из гнилых досок. От удивления все застыли в кузове.

— Можете вылезать! — заорал шофер, хлопнув дверцей.— Рапидо! Рапидо! (Быстрей! Быстрей! — *Ред.*)

Шофер нервничал. За каждую ездку платят гроши, и единственным его желанием было выкинуть из машины этих черных и скорее обратно, за новыми.

— Вытряхивайтесь! Живее, живее!

Грузовик укатил. Они стояли, разминая ноги, в самом центре плантации № 7-А. Сейчас бы малость пройтись, оглядеться на новом месте, что тут к чему. Нельзя. Не велено никуда отходить. Какой-то доминиканец, которого они раньше и в глаза не видели, накануне вечером зачитал приказ. Стоять, пока вами не займутся.

Их обступили «вьехосы», «старики», как их здесь называют, и заладили: вы «конгосы» (презрительное обращение к чернокожим гаитянцам). Будто открытие какое сделали. Но никто не объяснил им, кто же такие эти «старики» — поглядеть, так их тут много, а гаитянцы они или нет — непонятно. «Вьехосы», и все»,— сказал Лабель, который, похоже, о здешних местах наслышан. Но Мондестин все косился на одного, который передвигался медленно-медленно, совсем больной человек.

— Да гаитянцы они,— потерял терпение Лабель.— Гаитянцы, которые отсюда уже не вернутся.

— Так много?

— Почем я знаю. Много, и все.

Но точно-то они кто, гаитянцы? — опять спросил Мондестин.

Лабель махнул на него рукой: вот пристал!

— Ты что, не понимаешь? Они здесь «стариками» стали...

— Эй, парни, как там Порт-о-Пренс? — «Вьехосы» внимательно разглядывали их, искали знакомые лица.— По-прежнему красивые девушки в Жакмеле? Никто не знает семью Мирбун?..

— А у вас тут как? — осмелев, спросил Мондестин у разговорчивого «вьехоса».— Как сафра?

— Плохо,— сказал тот, слабо улыбнувшись. Даже на улыбку не было похоже. Так, одна видимость.

— Плохо?

— Совсем худо.

Мондестин ушам своим не верил: чтобы у доминиканцев была плохая сафра.

— Тростник не уродился?

— Тростника полно, только он легкий, а платят по весу. Вообще-то тростник тут ни при чем: весовщик обманывает.

— А как платят?

— Плохо. Раньше платили дешевле, а заработок шел больше. У меня выходило по 30—40 долларов, а теперь и до 20 не дотягиваю.

— В день? — с завистью посмотрел на него Мондестин.

«Старик» как-то странно открыл рот, оглядел Мондестина с ног до головы и зашелся хохотом.

— В день! Видали такого! В день. Нет, милый, за полмесяца...

— То есть как? Нам же сказали, когда вербовали, что здесь платят по 15 долларов за день. Так нам сказали...

— Надули тебя, парень...— «Вьехос» покачал головой.— Вы хоть поняли, куда вас занесло?

От этих слов Мондестин растерялся, не зная, ни что ему говорить, ни что делать. «Вьехос» закрыл глаза и заговорил:

— Весовщик вор. Привозят машину тонн на 10—12, а он записывает пять, а то и четыре тонны. Вот так, ребята.

— И давно вы здесь?

Старик пожевал губы:

— Лет с дюжину.

— Лет?

— Да, а может, и больше.

— Так чего ж вы не уезжаете домой?

— У меня на Гаити жена и четверо детей,— сказал он, не отвечая на вопрос.

— А у меня трое.— Смешок.— Детей, конечно, а не жен.

— Я одолжил денег на дорогу сюда.

— И я брал в долг! — воскликнул Мондестин.

— У меня ничего нет на обратную дорогу.

— Ничего?

— Ничего.

— За двенадцать лет?

— Ничего. Как вернуться, если оставил долги?

— Это верно,— согласился Мондестин.

— В тюрьму посадят.

— Точно, посадят.— Мондестин вспомнил лицо ростовщика, у которого он взял деньги, и холодный пот заструился у него между лопаток.— Посадят... Из дома-то новости есть?

— Я читать не умею, а они там грамоте не обучены.

За ними так никто не пришел. За бараками оказалась какая-то постройка без крыши. Они легли прямо на землю. Одного послали посмотреть, может, найдется ночлег поприличнее: бараки-то пустуют.

— Ну, что там?

— Грязь сплошная, как в стойле. Но, пока не выделят жилье, можно переночевать...

Он недоговорил. Проходивший мимо доминиканец, какой-то низкорослый человечек в белом пластиковом колониальном шлеме, в которых здесь ходят «капатазы», хозяева, как они узнали потом, окликнул его на ломаном креольском:

— Чего тебе здесь надо? Пошел отсюда! Велено ждать приказа, вот и жди.

Гаитянец вернулся, ругаясь на чем свет стоит, ладно бы был дом как дом, а то свинарника жалко. И потом, этот «капатаз» их обругал. На испанском обругал, но они поняли. Ругательство на любом языке звучит так, что его ни с чем не спутаешь... Они возмущались, пока к ним не подошел «вьехос» и сказал:

— Будете шуметь,— сказал он им,— он вам потом припомнит.

Утром приехала машина. По начавшейся суете они поняли — большой начальник. И с ними еще начальники. «Сеньор майор-домо» — управляющий, очень заискивающий перед «администратором». От управляющего несло хмельком. И еще «капатазы», много, с десяток, очень заискивающие перед управляющим. Все заискивающие, все деловитые.

Администратор — главный на плантации и на сахарном заводе. От него все исходит, к нему все приходит. Он редко покидает свой офис, но уж если выбирается на поля, то всегда с большой помпой. Управляющий все время ездит по полям. На машине. «Капатазы» ездят на лошадях. Гаитянцы ходят пешком. С первого взгляда понятно, с кем имеешь дело.

Начальники вышли к ним на площадку, но остановились чуть в отдалении. Разглядывали, как прицениваются.

Приказ — выстроиться по росту. «Ровнее, ровнее»,— кричали. И два часа заставили стоять под палящим солнцем. Всем очень хотелось есть, но только один упал в обморок, не выдержал, сельхозрабочий из Леогана, слабый, в общем-то, паренек. Его быстро поставили на ноги пинками, чтоб воду зря не лить. Воды здесь мало, с утра их пока еще не поили. О воде они старались не думать.

Все удивились, когда их цепочкой повели к тому самому бараку, из которого еще вчера выгоняли. «Капатазы» услужливо распахнули двери. Барак был метра четыре в ширину и бесконечно длинным. Через каждые четыре метра — перегородка. Кое-где друг на друга были свалены двухъярусные ржавые кровати. Их впускали по четыре человека в отсек. Они заходили, хлопали глазами, оглядывались, чего-то искали, только чего было искать? Голые стены?

— Эй, ребята, а как же тут спать? Тут же пусто!

Один за другим гаитянцы выходили из барака. Окликнули «капатаза». Тот рассмеялся, прошелся взад-вперед перед растерянными «конгосами», приподнял свою широкополую шляпу, от которой ему на глаза падала совсем узенькая полоска тени:

— А как хотите, так и спите! Чем ты недоволен? Этот домик как раз для тебя. Сорок лет назад здесь держали скотину. Думаю, для тебя тут даже слишком уютно.

— Протестуем!

— Послушай меня хорошенько. Доминиканское правительство отвалило за вас кучу денег, понял? — Этот «капатаз» говорил на креольском как настоящий гаитянец, может, только чуть с акцентом.— И вы будете вести себя тихо, потому что я заставлю вас вести себя тихо.

— Выходит, мы здесь как пленные...

— Ха-ха, пленные... Если вы будете мне надоедать, то пеняйте на себя. Потому что вы — собаки!

К «капатазу» подошел тот маленький человечек в белом шлеме. Он был с ружьем:

— Ке паса?

— Да вот, возомнили себя американскими туристами, желают почивать на шелках!

Человек в шлеме скривился в усмешке, упер ружье прикладом в колено.

— Здесь придется соглашаться на все. За ваш «круиз» уплачено...

Вокруг, на сколько хватает глаз, зелень плантаций. Гектары. Сахарный тростник волнами бежит к подножию далеких голубоватых гор. Темно-зеленое пятно на поле — отпечаток белого облака, застывшего между солнцем и зеленью тростника. По крепкому ежику ядреных стеблей прокатился далекий рокот мотора, шум стих перед чуть заметным подъемом, возник снова у самой границы этого безбрежья и, наконец, долетел до первых бараков.

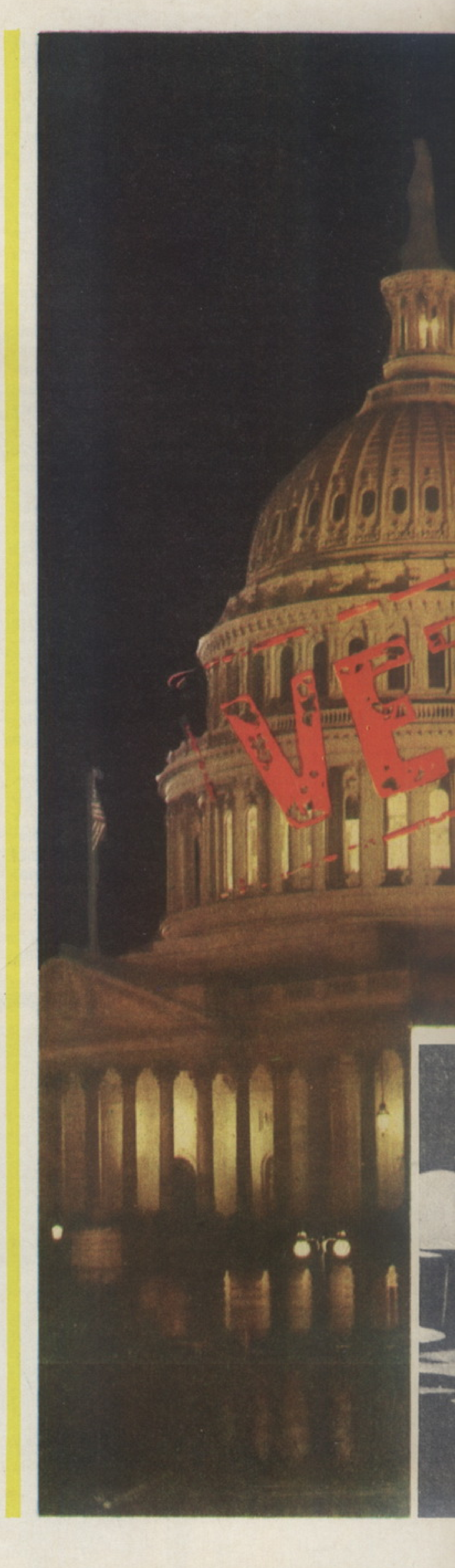
«Конгосы» едут! — закричал кто-то из «вьехосов», заметив черную точку грузовика — первого грузовика за этот сезон.— «Конгосы» едут!

Из дверей бараков высыпали люди, сначала недоверчиво, с сомнением, потом, услышав своими ушами рокот мотора, с ликованием присоединяясь к общему крику: «Едут!» «Конгосы»! «Конгосы»! — уже неслось со всех сторон. Подхваченный легким ветром тысячеголосый крик несся над равниной, будоража селения и города, потом, перевалив лавиной через хребты Карибских гор, выплеснулся, вырвался, разом откликнувшись на всей Доминикании; люди слушали новость, высоко подняв головы. Вот они, «конгосы»! Те, на ком зиждется богатство и процветание республики! «Конгосы» приехали!

Выползая из ущелий на равнины, взбираясь с равнин на холмы, вагоны, набитые людьми, старые вагоны с совсем молодыми людьми, тащатся по рельсам, зажатым меж стен сахарного тростника, тащатся, останавливаясь каждые шесть-семь сотен метров подле вырубки. На каждой остановке из вагонов спускаются на землю полторы сотни «конгосов». Поезд, дернувшись, трогается, таща дальше свой груз.

Вереница поездов, вереница грузовиков. Пятнадцать тысяч гаитянцев...

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

«ВЕРНИТЕ МНЕ МОЮ ЖИЗНЬ»

Уильям ГРЕЙДЕР,
американский журналист

Ближе к вечеру Арт Лейбовиц отправился на середину моста через реку Мононгахила и, опершись о перила, стал смотреть вниз по течению. Перед ним открывался вид на опустевшие железнодорожные пути, огромный обшарпанный заводской корпус с бело-голубой надписью на крыше: «Юнайтед стейтс стил» (Сталелитейные заводы США). Позади как в тумане неясно вырисовывались башни доменных печей, подобно семиярусным трубам гигантского орга́на. Сталелитейные заводы бездействовали: не было видно ни дыма, ни пламени, не слышно тяжелых ударов молота — все казалось столь же безмолвным и застывшим, как и темные воды реки, текущей внизу под мостом.

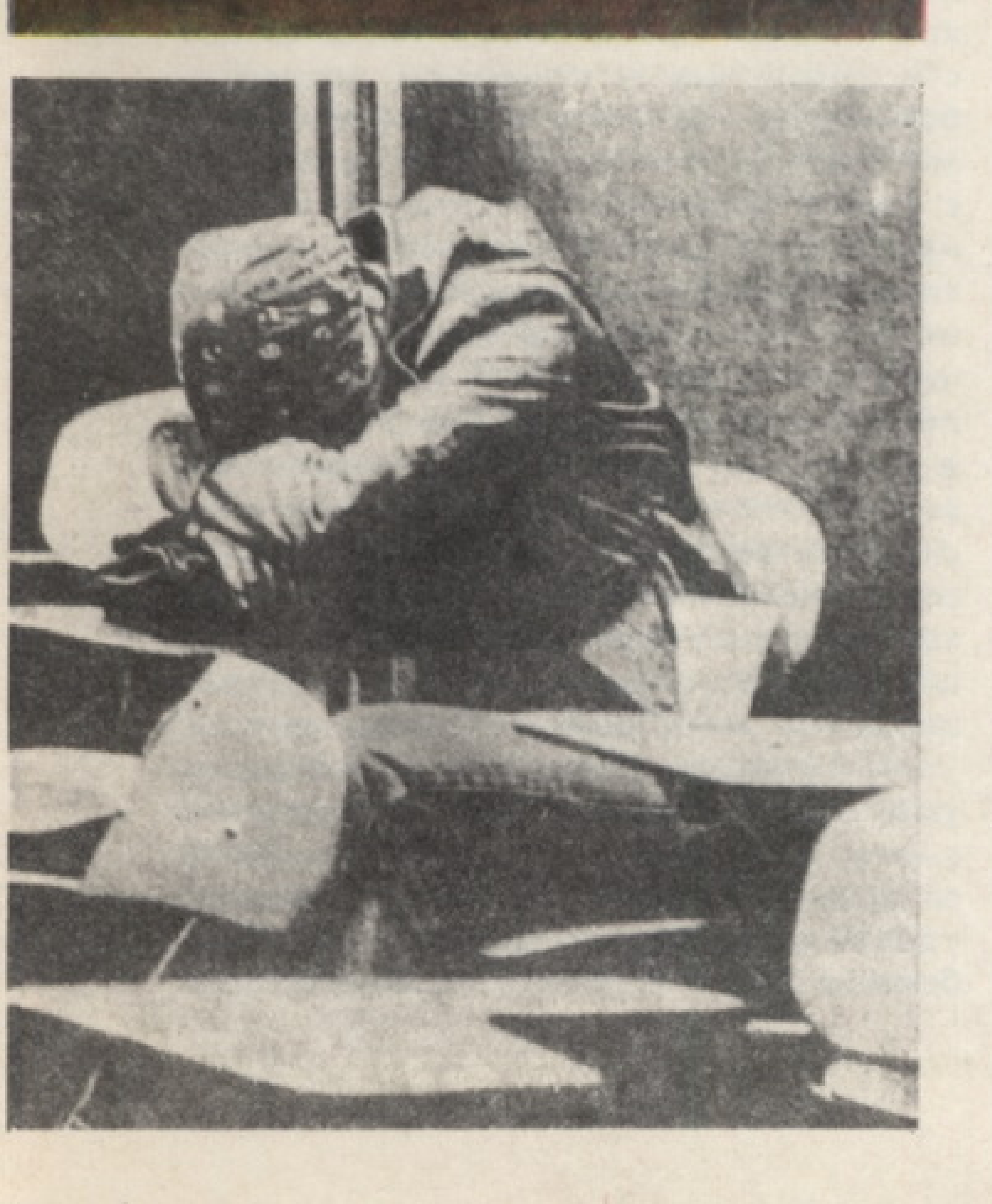
— Я хотел броситься в реку,— вспоминает Арт Лейбовиц, рабочий-литейщик.— Решил: раз все так скверно, зачем тянуть дальше? Всю жизнь я старался изо всех сил, а теперь мне больше ничего не осталось. Впереди у меня ничего нет. Я уже и раньше думал — пора кончать такую жизнь.

Долго стоял Лейбовиц на мосту. Потом друзья нашли его в зале их профсоюза: он был в совершенно подавленном состоянии, что-то бессвязно бормотал. Четыре месяца после этого он провел в психиатрической клинике.

Теперь Арта из клиники выписали. Он живет в грязноватом кирпичном доме на склоне крутого холма вместе с двумя парнями, которых так же, как и его, вышвырнули с завода. Арт говорит, что чувствует себя сейчас лучше.

— Мне там давали кучу таблеток и черт-те что делали со мной. И теперь я иногда глотаю таблетки — помогает расслабиться.

Он еще что-то бормочет, будто может поступить учеником на завод компьютеров.

Путь, приведший Арта к решению о самоубийстве, начался около четырех лет назад, когда его уволили со сталелитейного завода. Сначала это его не слишком обеспокоило: здесь привыкли к периодическим временным закрытиям заводов, даже после долгого перерыва их всегда вновь открывали. Он занялся профсоюзной деятельностью среди безработных металлургов: они устраивали демонстрации, например, против американских капиталовложений в сталелитейные предприятия за границей, организовывали бесплатные обеды и благотворительные концерты.

— Мне работа в профсоюзе нравилась, я так увлекся всем этим, что не слишком задумывался, что будет дальше,— говорит Арт.— В глубине души я надеялся, что завод снова откроется.

Но время шло, а предприятия все закрывали и закрывали одно за другим. А вскоре разнеслась весть: хозяева вообще сворачивают производство в долине реки Мононгахила.

Цепь заводских поселков, вытянувшихся вдоль излучины реки к югу от Питтсбурга, когда-то образовывала своеобразный амфитеатр вокруг грандиозной сцены сталелитейного производства. Более ста лет здесь можно было наблюдать фантастический спектакль: клубы дыма и огонь, вырывавшийся из многих печей, оживленное движение барж по реке, грохот молотов в цехах, от которого дребезжали стекла домов. Зрителями были здешние рабочие и их семьи, жители скромных кирпичных домов, рядами сбегавших с крутых холмов к реке. Зрелище этого хаоса успокаивало их. «Без сажи и копоти нет работы»,— говорили они друг другу.

Пять лет назад на этом коротком отрезке берега реки работали пятнадцать доменных печей. Сейчас их осталось две. Пять лет назад в металлургии здесь насчитывалось 22 тысячи сталелитейщиков, сегодня число рабочих мест сократилось до 5 тысяч.

— Сначала меня просто бесили эти боссы из корпораций,— говорит Арт.— Одно время я даже подумывал, не взорвать ли мне их всех к черту. Я вполне мог это сделать. Но спустя некоторое время я стал винить во всем самого себя.

Самоубийство — главная тема разговора в Мон-Вэлли. Похоже, все знают, кто находится на краю пропасти, а кто уже шагнул в нее. Джек Чифоне пришел домой в четыре утра, забрался в сарай и выстрелил в рот из револьвера. Он был «за бортом», говорят в Мон-Вэлли. Это значит — пособие по безработице и все другие средства к существованию у него иссякли.

В субботу вечером друзья собрали

складчину для Джимми С., чтобы его не вышвырнули из квартиры. А утром в воскресенье он проснулся, приставил револьвер «Бульдог» 41-го калибра к уху и вышиб себе мозги. Ему было всего 20 лет. В графстве Аллегейни, по официальным данным, число самоубийств увеличилось на 11 процентов, главным образом из-за экономического спада в Мон-Вэлли. По слухам, эта цифра гораздо выше.

Город Питтсбург тем временем купается в благосостоянии: много пишут о развитии новой технологии, о появлении шикарных ресторанов и особенно о недавнем провозглашении Питтсбурга самым процветающим районом страны. А за холмом, в Мон-Вэлли, ведут разговоры о самоубийствах, разводах, закрытии предприятий, о пособиях и ежедневной убогой нищете.

Центр по безработице в Хомстеде разместился в заброшенном здании магазина на главной улице города. Центр основан бывшими металлургами для того, чтобы поддерживать друг друга в трудные времена: здесь работает продовольственная лавка, организованы горячие завтраки для детей, даются консультации по профессиональным, финансовым и психологическим вопросам.

Почти напротив, на другой стороне улицы, расположен вербовочный пункт военно-воздушной базы — самое процветающее предприятие в городе.

Робин Крейвен, безработный металлург, зашел в центр проверить, нет ли информации о новых рабочих местах. По вечерам Крейвен подрабатывает в оркестре, играет на гитаре и на скрипке, а днем работает несколько часов водителем грузовика, и хотя получает он мало, все-таки это лучше, чем чистить ковры или быть охранником. Ему удалось одно время пристроиться продавать моющие средства для стекол и демонстрировать их действие покупателям, однако он пришел к выводу, что продавец из него не получится.

Другой безработный, Карл Редвуд, стройный молодой человек 32 лет, охотно рассказывает свою историю. Потеряв работу, он перепробовал множество занятий: охранника, контролера на автостоянке, воспитателя в дневном лагере для детей. Недавно вместе с сотней других таких же бедолаг он пришел наниматься в открывшийся супермаркет.

— Первое, что меня спросили: «Вы знаете, что работа здесь — это частичная занятость и минимальная зарплата? Никаких шансов на продвижение у вас нет. Вы здесь нужны всего 15 часов в неделю». И так они говорят каждому. Либо вы взрываетесь и хлопаете дверью, либо, уже совершенно отчаявшись, сдаетесь: о'кэй!

Жена Крейвена работает помощницей медсестры, и им кое-как удается платить по счетам. Двое их детей не понимают, почему они ходят в старье и у них нет велосипеда, как у других ребят.

— Вначале я мучился,— говорит Крейвен,— а теперь махнул на все рукой. Все бесполезно. Вы можете встать на углу и выкрикивать ругательства на весь город, всех проклинать, всех обвинять, но толку от этого мало. Никому до вас нет дела!

Подобно многим молодым металлургам, Крейвен и Редвуд учились в колледже, но решили, что работа на заводе дает лучшие перспективы. Теперь они оказались в западне. Крейвен говорит:

— Я должен содержать семью. Конечно, было бы прекрасно, если бы у меня хватало денег и на то, чтобы закончить образование, и на то, чтобы платить по счетам. Но это невозможно.

Многие молодые рабочие, разумеется, покинули Мон-Вэлли и пытались устроиться в других городах, кое-кто из них вернулся обратно ни с чем.

— Как ни крутись, при таком множестве людей, ищущих работу, ее все равно на всех не хватит. Я имею в виду хорошей, постоянной работы. Все мы, безработные, вынуждены конкурировать друг с другом, отталкивать друг друга от этого все уменьшающегося пирога. Людей толкают на низкооплачиваемую работу, часто даже с минимальной ставкой. Да, случается, кто-то находит место, но это еще вопрос, можно ли прожить на такую зарплату.

Слова Редвуда соответствуют реальным фактам не только в Мон-Вэлли, но и в целом по стране. Бедственное положение металлургов особенно бросается в глаза, поскольку в этой области безработица приняла массовый характер. В то же время уменьшение рабочих мест и зарплаты как некая эрозия расползается по всем штатам. Несмотря на громкие слова об экономическом подъеме, в США официально зарегистрировано 8,4 миллиона безработных плюс 1,3 миллиона человек, прекративших всякие поиски места. Еще 5,7 миллиона, подобно Карлу Редвуду и Робину Крейвену, вынуждены наниматься на любую работу и с неполной занятостью, в результате чего они переходят в разряд тех, кто живет ниже черты бедности.

Страдания этих 15 миллионов безработных или полубезработных — своего рода плата за благополучие остальных. Низкий спрос на рабочую силу, как считает Редвуд, заставляет соглашаться на низкую зарплату. Профсоюзное движение так и не оправилось от спада 1982 года. Число членов профсоюза упало до 19 процентов от общего числа рабочих по сравнению с 35 процентами в 1984 году. Не только в металлургической промышленности, и в других отраслях люди теряют работу. В то же время доходы высокопоставленных служащих корпораций увеличились в среднем на 12,7 процента в прошлом, 1985 году.

В США доходы трудящихся сокращаются, а доходы владельцев и сотрудников управления корпораций, которые часто являются одними и теми же лицами, растут. Доход, который получают те немногие счастливчики, которые владеют акциями и другими ценными бумагами, неколебим и постоянно растет. Об этом же говорит и статистика. Если 10 лет назад зарплата составляла 67 процентов от общей суммы личного дохода, то в 1984 году ее доля упала ниже 60 процентов, впервые после 1929 года.

— Я не мечтаю о многом,— говорит Робин Крейвен.— Меня бы удовлетворило, чтобы хватало платить по счетам. Я устал отказывать детям во всем. Моя жена еще больше страдает. Поэтому мне приходится делать вид, что все нормально. Ей и меня жалко и детей.— Он застенчиво улыбается: — Когда меня никто не видит, я запираюсь в комнате и отвожу душу, проклинаю все на свете.

Майк Стаут, крепкий и энергичный активист профсоюза металлургов, как раз один из тех, кто против воли способствует росту доходов владельцев капиталов: он платил 16,5 процента дополнительно к ежемесячному взносу за дом, купленный в рассрочку. Но это уже в прошлом. Он не смог внести очередной взнос, и банк отобрал у него дом. Жить стало негде, жена ушла к родителям, и теперь он снимает комнату для себя одного.

— Купив дом из расчета очередной взнос плюс 16 процентов, я платил в месяц 610 долларов,— вспоминает Стаут.— Я подсчитал, что через тридцать лет выплачу по процентам 148 тысяч долларов за дом стоимостью 37 тысяч.

Неуплата очередного взноса — обычное явление в Мон-Вэлли. Собственный дом для большинства сталелитейщиков всегда был признаком обеспеченной жизни. Он был залогом какой-никакой финансовой независимости, равно как и символом респектабельности, солидности. Дома эти весьма скромные — небольшие строения с узким двориком и металлическими навесами. Семьи пенсионеров, выплатившие взносы по процентам, хотя бы не боятся остаться на улице, но тридцать лет — это большой срок, и дома пожилых людей нуждаются в ремонте, а денег нет, заработанная страховыми взносами пенсия становится фактически все меньше и меньше. Молодые семьи мечутся между падающими доходами и растущими банковскими процентами. Многим приходится возвращаться и жить вместе с родителями.

— Я сказал в банке, что они сошли с ума, отобрав у меня дом, ведь они не смогут его никому продать. И я оказался прав,— говорит Стаут с некоторым удовлетворением.— Держу пари, что больше сотни домов в городе прода-

ются, и никто их не покупает. Дома стоят заколоченными. Был случай, когда дети проникли в один из них и устроили там погром.

Встречаюсь с Томом Дерби и Крисом Макдональдом, они напарники по прежней работе у доменной печи. Макдональд ветеран войны во Вьетнаме, Дерби двадцать девять лет, но он выглядит моложе. Они рассказывают о том времени, когда еще работали на сталелитейном заводе. Пять лет назад там было 3200 рабочих, а теперь осталось пять сторожей. И Дерби и Макдональд оказались уволенными. Остались без работы мать Дерби и трое его братьев.

Они рассказывают о происшествиях, случавшихся на заводе: однажды сорвалась заготовка и убила двух металлургов; локомотив, который вел Дерби, сошел с рельсов на неисправном участке пути; сноп искр, вырвавшихся из доменной печи, оставил шрамы на его плече.

После того как «Юнайтед стейтс стил» уже начала закрывать заводы в Дюкесне, она объявила, что собирается демонтировать «Дороти-6», доменную печь, дававшую рекордные плавки. Новость подняла всех металлургов в Мон-Вэлли — это уже катастрофа, которая сразила даже самых оптимистично настроенных. Если компания намерена демонтировать одну из лучших доменных печей, введенную в строй лишь двадцать два года назад, значит, тревожные слухи оправданы и долина стали никогда больше не возродится.

Молодые активисты, такие, как Майк Стаут и Джим Бенн, в течение двух лет безуспешно пытались расшевелить консервативно настроенных жителей металлургических городков. Теперь люди сами ринулись на митинги протеста. Если «Юнайтед стейтс стил» собирается закрыть заводы в долине, заявляют они, тогда местные жители займут их и будут управлять как общественными предприятиями, не приносящими дохода. Четыре города приняли резолюцию об образовании общественного комитета по спасению металлургических предприятий и наделили его чрезвычайными полномочиями. Комитет предполагает произвести оценку заводов, выплатить «Юнайтед стейтс стил» их рыночную стоимость и затем продать другой компании, которая согласится вновь открыть их.

В эру нынешней администрации, провозгласившей лозунг «Каждый за себя», кажется неправдоподобным, чтобы горстка обреченных металлургических городков смогла сама решить свою экономическую судьбу. Сами же металлурги Мон-Вэлли и их профсоюзные лидеры считают свой план осуществимым.

Компания «Юнайтед стейтс стил», разумеется, заявляет, что все это пустая фантазия. Однако если компания попытается демонтировать завод в Дюкесне, она может столкнуться с беспрецедентным сопротивлением возмущенных рабочих.

— Мы против насилия,— говорит Дон Радберг.— Мы не собираемся приходить сюда с бейсбольными битами и чем-либо в этом роде. Но мы займем завод и не допустим, чтобы его разобрали по кирпичику.

38-летний Джо Нестико с седой бородкой и в роговых очках, опираясь на трость, прихрамывая, вошел в бар «Ласко». За чашкой кофе он рассказывает о себе. Ему пришлось бросить колледж и вступить в армию, во Вьетнаме он был тяжело ранен, вернулся в Мон-Вэлли, женился, пошел работать на завод. Два года назад уволен. Он вновь было поступил в колледж, но вынужден был бросить учебу, чтобы сидеть с ребенком. Его история ничем не отличается от судеб многих людей, однако сами по себе факты не передают ту горечь и разочарование, которые он испытывает.

— У меня чудесная жена и красивый ребенок, но я чувствую себя так, словно нахожусь в вонючем тоннеле. У нас была надежда на правительство Соединенных Штатов, но сейчас оно ровным счетом ничего для нас не делает...

Вот что меня просто сокрушает: мой дед работал здесь пятьдесят два года рабочим, отец тридцать два года строил заводы, до самой своей смерти. Моего дядю Фрэнка, профсоюзного активиста, убили здесь, на заводе, в тридцатые годы. Я привык уважать труд. Я считал, завод — моя судьба. А теперь я оказался в худшем положении, чем мой дед...

В долине, где живет Джо Нестико, война и сталь часть одной и той же сделки. Молодые люди шли на войну и лили сталь, рассчитывая иметь взамен обеспеченную жизнь. Они выполняли то, что от них требовали. Теперь они поняли — слишком поздно,— правительство вовсе не намерено выполнять свои обязательства перед ними.

Возмущение Джо Нестико можно понять:

— Верните мне годы, которые я потерял, воюя для вас. Верните мне мою жизнь!

Перевела с английского
Алла ГРАЧЕВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С тех пор как журналист Уильям Грейдер побывал в Мон-Вэлли, минуло восемь месяцев. Что изменилось в положении металлургов района? С этим вопросом наш корреспондент обратился по телефону в газету американских коммунистов «Дейли уорлд». Вот что мы узнали.

В 1985 году было ликвидировано тринадцать тысяч девятьсот рабочих мест; если ситуация не изменится, в ближайшие четыре года еще тридцать одна тысяча металлургов окажется за воротами предприятий.

Что делается, чтобы спасти сталелитейные заводы? В декабре прошлого, 1985 года в Хомстеде прошла конференция недавно созданной организации «Представители стальной долины», в которую входят девять городов, включая Питтсбург, местные общественные объединения, городские органы управления, церковь. Ближайшая задача, поставленная конференцией,— помешать «Юнайтед стейтс стил» демонтировать оборудование домны «Дороти-6». Для возрождения района, говорили на конференции, в Мон-Вэлли есть все необходимое — квалифицированные кадры, производственные мощности, сырье, но осуществить его возможно только в том случае, если рабочие «заставят нынешнюю администрацию США изменить политику попрания их интересов в угоду интересам компаний».

«Предателями собственной страны» назвал владельцев корпорации член совета «Представителей стальной долины» Чак Мартони. Корпорация заключила соглашение с южнокорейской компанией, и теперь дешевое сырье в Питтсбург будет поступать из Южной Кореи, а горно-обогатительное предприятие в США закрывается. В результате работу потеряют еще две тысячи шестьсот рабочих стальной долины.

«Юнайтед стейтс стил» делает вид, что игнорирует существование и деятельность организации «Представители стальной долины», но с помощью своих людей в муниципалитетах металлургического района корпорация пытается внести раскол в ее ряды.

«Движение за спасение рабочих мест и возрождение Мон-Вэлли,— говорит Чак Мартони,— должно идти снизу, простые люди, чьи надежды с каждым днем катастрофически тают, должны поверить в себя, что все зависит от них». Металлурги с этим мнением согласны, но где найти средства, чтобы выкупить у «Юнайтед стейтс стил» закрывающиеся предприятия? Этот вопрос по-прежнему остается открытым.

«Я ВЕРНУСЬ!»

Из речи Нельсона Манделы в Верховном суде ЮАР в Претории 20 апреля 1964 года

...В начале я хочу со всей ответственностью заявить, что утверждение правительства ЮАР, что борьба южноафриканского народа против апартеида ведется якобы по подстрекательству иностранцев или коммунистов, абсолютно лживо и беспочвенно. Все совершенное мною и как личностью, и как лидером моего народа сделано на основе моего собственного понимания африканской жизни, вдохновлено чувством гордости за мое африканское происхождение.

...В дни моего детства в Транскее я слышал рассказы старейшин нашего племени об истории моего народа, о героической борьбе наших предков в защиту своей родины. Я надеялся, что жизнь предоставит мне возможность послужить на благо моего народа и я смогу внести свой скромный вклад в его борьбу за свободу. Слава и свободолюбие моих предков — вот что вдохновляло меня во всех моих деяниях.

...Я отнюдь не отрицаю, что призывал мой народ к саботажу. Я делал это вполне сознательно, не из безрассудства, не от жажды насилия. Мною руководил здравый анализ политической ситуации в стране, которая сложилась после многих лет тирании, эксплуатации и подавления законных прав моего народа белым меньшинством.

Признаюсь, что был инициатором создания военной организации «Умконто ве сизве» («Копье нации») и играл важную роль в ее деятельности вплоть до моего ареста в августе 1962 года. У меня, как и у других основателей «Умконто ве сизве», были две причины сплотиться в этой военной организации.

Во-первых, мы считали, что политика расовой дискриминации сделала неизбежным ответное сопротивление африканцев, и без четкого руководства, которое могло бы направить в нужное русло волну возмущения моего народа, оно бы вылилось в безрассудный терроризм, результатом которого стала бы межрасовая вражда, влекущая за собой гражданскую войну.

Во-вторых, ...все законные методы выражения нашего несогласия с проповедуемыми расистами принципами превосходства белых были запрещены законодательством.

На стр. 19 ▶

Сын видного вождя племени тембу, родственник верховного вождя и главного министра бантустана Транскея — ему по рождению было отведено место среди элиты чернокожих в ЮАР. Немного подобострастия — и покой, благополучие, достаток обеспечены. Но он выбрал другой путь — теперь имя его знает каждый грамотный человек на земле. Его имя стало символом патриотизма и стойкости в борьбе за свободу и справедливость для своего народа.

Нельсон Мандела. Не сумев подавить, не смея убить, власти Претории предложили ему свободу в обмен на его призыв к народу отказаться от вооруженной борьбы. В ответ Мандела заявил: «Я не могу и не буду брать на себя какие-либо обязательства, пока мой народ и я не обретут свободу». Он потребовал от правительства белого меньшинства отказаться от насилия как принципа государственной политики, ликвидировать систему апартеида, признать Африканский национальный конгресс, освободить политических заключенных и гарантировать свободу политической деятельности.

Его преданного друга и соратника — жену Винни Мандела — власти подвергают жестоким преследованиям, совсем недавно она была арестована. Но разве можно арестовать правду, уничтожить любовь!

Твоему вниманию, читатель, мы предлагаем два материала: выступление перед судом и письма к жене Нельсона Манделы. Оба они не предназначались для широкого чтения. И тем более оба они раскрывают характер человека цельного и верного — олицетворяющего идеалы и нравственность борющейся Африки.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

(Письма Нельсона Манделы)

15 апреля 1976 года

Дадевету[1]

...В последнее время я непрестанно думаю о тебе как о Дадевету, Мум, друге и учителе. Ты, наверное, не подозреваешь, как часто я восстанавливаю в памяти все, что связано с тобой. Твои черты, твой облик, линии твоих плеч, твоих рук, я помню твои каждодневные хлопоты, твое умение не обращать внимания на тысячи мелочей, которые для любой другой

[1] *Нельсон Мандела обращается к жене и подписывает письма именами героев фольклора чернокожих африканцев ЮАР.— Здесь и далее прим. ред.*

что в следующем письме ты напишешь мне, что после работы сразу же едешь домой.

Если по возвращении из тюрьмы я не найду тебя дома, я разыщу тебя, и ты первая узнаешь о моем освобождении, потому что право первой узнать об этом принадлежит тебе и только тебе одной.

Когда я пишу это письмо, твоя фотография по-прежнему стоит передо мной.

Я люблю тебя. Твой Далибунга.

6 мая 1979 года

Моя дорогая Мум,

я расстроен, что ты и Зинзи не пришли навестить меня ни 31 марта, ни 1 апреля, и еще больше я огорчился, узнав от тебя причину. Последний раз я видел бригадира Коэтзи 12 февраля, мы обговорили возможности свидания с тобой, прежде чем ты начнешь работу. Я надеялся, что, учитывая особые обстоятельства, нам пойдут навстречу. Прошло почти три месяца, и только 27 апреля я узнаю от тебя, что начальник тюрьмы даже не в курсе этого дела. У меня такое ощущение, что тебя снова могут депортировать без предупреждения. Надеюсь, что ты переедешь из Брандфорта только после того, как переговоришь со мной (Брандфорт — городок в Оранжевой провинции, где Винни Мандела с 1977 года находилась под домашним арестом.— Ред.). Разделяю твою начальную точку зрения: не соглашаться на переселение ни в какое место. Я хотел бы увидеть тебя как можно быстрее, чтобы обсудить по крайней мере наиболее неотложные семейные вопросы. Также мне хотелось обговорить с тобой возможность поселиться в Кейптауне, вместе подумать над твоими проблемами.

На снимках: в центре — Нельсон и Винни Мандела в 1958 году; слева — стражи апартеида; справа — Винни Мандела во время одного из посещений тюрьмы.

женщины стали бы поводом к раздражению. Порой, когда я вновь и вновь думаю о самых дорогих моментах нашей жизни, меня охватывает удивительное волнение. Я вспоминаю и тот случай, когда тебе, беременной нашей дочкой Зинзи, так трудно было остричь ногти на ногах. Сегодня при воспоминании об этом я не могу отделаться от чувства стыда: ведь мне следовало тебе помочь. Сознательно или нет, но моя позиция была такова: я свое дело сделал — должен появиться еще один малыш, трудности, которые возникают у тебя сейчас, это твои трудности. Единственное мое оправдание, что жизнь тогда почти не оставляла времени на размышления. Интересно, какой она будет, когда я вернусь? А рядом с тобой все, для кого ты столь много значишь, невольно становятся лучше.

Дорогая Мум! Наконец-то ты снова учишься в Юниса (вечерний университет в Претории.— Ред.) Какие у тебя предметы? Помнишь ли ты, что училась в этом же университете, когда мы познакомились 18 лет назад? Полагаю, тебе нравится учеба. Но помни, пожалуйста: я надеюсь, что и теперь ты будешь жить с той же огромной требовательностью к себе, на которую, я знаю, ты способна. Меня просто потрясло, когда я узнал, что по вечерам ты ездишь в публичную библиотеку. Как ты можешь так рисковать? Разве ты забыла, что живешь в Соуэто? Все последние десять лет они трусливо покушаются на твою жизнь, стараясь по вечерам выманить тебя из дома. Как же ты можешь давать им теперь такую идеальную возможность добиться своего? Твоя жизнь и жизнь наших детей гораздо важнее диплома. Надеюсь,

Надеюсь лишь, что твой отъезд из Брандфорта не помешает Зинзи готовиться к экзамену. Присмотри за ней и постарайся, чтобы она готовилась по-настоящему. Впрочем, я надеялся обсудить с ней 1 апреля ее замысел (написать историю семьи.— Ред.), который она решила осуществить в этом году. Полагаю — но, естественно, на этот счет у нее может быть свое мнение,— что в изображении конкретных персонажей нужна определенная осторожность. Подобные произведения должны давать объективную картину событий, независимо от того, приятны они автору или нет. Изображаемые люди, которые ей особенно близки, не должны получиться ангелами, но реально существующими людьми со всеми их достоинствами и недостатками. Следует избегать и другой крайности: в последнее время были опубликованы биографии — главным образом о современниках,— чудовищно бестактные и скандальные. Некоторые из них доходят до исследования таких фактов, что часто граничат с непристойностью.

Читала ли ты мемуары Софи Лорен и бывшей жены канадского премьера, Маргарет Трюдо? Я затрудняюсь даже представить, в какой степени книга последней повредила политической карьере мужа. Счастливая семейная жизнь — важная поддержка для каждого политика. И все же работа Зинзи должна преследовать гораздо более высокую цель, не связанную ни с материальной заинтересованностью, ни с жаждой известности.

...Если бы не твои посещения, не твои замечательные письма, если бы не твоя любовь, я бы давно не выдержал.

Здесь я сделал паузу и протер фотографии, что стоят напротив меня. Я всегда начинаю с фотографии Зени (старшая дочь Манделы), затем беру фотографию Зинзи и наконец твою, моя дорогая Мум. Так мне легче пережить разлуку.

Я люблю тебя, твой Далибунга.

2 сентября 1979 года

Моя дорогая Мум,

...ты совершенно права, считая 1979 год годом женщин. Они открыто требуют, чтобы общество конкретизировало свои вечные обещания о равноправии полов... Индира нам справедливо показывает, что Европа всего лишь следует примеру Азии, где за последние двадцать лет по крайней мере две женщины занимали посты премьер-министра [2]. Можно было бы добавить, что также в прошлых веках были подобные фигуры: Изабелла Испанская, Елизавета Английская, великая Екатерина Российская (правда, не знаю, сколь велика она была в действительности), королева Батоква, и многие другие. Однако все эти женщины стали первыми леди по закону престолонаследия. Сегодня же внимание приковано к женщинам, которые заняли высокие посты лишь благодаря своим заслугам.

...В свои 45 лет ты сильно изменилась, если вспомнить ту ночь, когда мы сидели с тобой на лужайке в южной части города. Но чем дальше уходит от тебя молодость, чем больше на твоем некогда полном и нежном лице появляется морщин, и твоя некогда нежная кожа теряет свежесть, тем больше растет во мне желание прижаться к тебе. Ты такая, какой и должна быть, Мум. Прими мои самые сердечные пожелания счастья!

Я люблю тебя, твой Мадиба.

1 марта 1981 года

Моя дорогая Мум,

желаю тебе доброй удачи на скорых экзаменах и надвигающемся процессе [3]. Твои успехи в учебе вселяют в меня уверенность, что ты справишься. Мне кажется, ты сомневаешься в успехе из скромности, считая преждевременным делать какие бы то ни было прогнозы, пока дело не доведено до конца. Еще раз прими мои искренние пожелания, и пусть они помогут тебе.

Что касается процесса, то здесь нам нужно нечто большее, чем просто удача, поскольку для всех заинтересованных слишком много поставлено на карту. Этот суд, несмотря на всю абсурдность выдвинутых обвинений, всякий раз умудряется раздуть твое дело в огромный процесс, так что удача мало чем может тут помочь. Лишь решимость, честность и умелые действия друзей будут тебе подмогой. Хочу верить, что и на этот раз они сделают все возможное, и суд снова будет отложен.

Хотя все это время я стараюсь сохранять спокойствие, я никогда не смогу привыкнуть к мысли, что ты — на скамье подсудимых. Ничто другое не выводит меня из себя так, как эта форма репрессий, которые, похоже, уготовлены нам и в будущем.

Знай, что я все время рядом с тобой. Я слишком хорошо знаю, что ты идешь на все это ради любви и преданности детям, мне, всей нашей большой семье. Эта любовь и преданность крепнут год от года, и всякий раз, когда я вижу тебя, я ощущаю, что эти чувства стали еще сильнее.

Полагаю, ты вместе с Зинзи, Исмаилом и Жоржем отправите письмо лицам, которые столь любезно поддержали нашу кандидатуру в ректорате Лондонского университета [4]. 7198 голосов при таких видных кандидатах, должно быть, произвели сильное впечатление на наших ребят и друзей в стране и за границей.

Для тебя поменять твое скромное жилище на замок и выйти из тесноты на просторы Виндзора было, по всей видимости, приятным опытом. Я хочу, чтобы все, кто нас поддержал, знали, что я не рассчитывал даже на сто голосов, а уж тем более на 7198, да еще когда нашим конкурентом был такой известный английский реформатор, как Джек Джонс. Значение этого события гораздо больше, чем может показаться...

Я люблю тебя. Твой Мадиба.

31 марта 1983 года

Моя дорогая Мум,

фотографии, которые ты оставила, дают мне иллюзорное, но утешительное ощущение, будто я свободен, в семье и вокруг меня друзья. Я подолгу разглядываю их и чувствую себя лучше, будто и нет у меня за плечами двадцати лет заключения.

Особенно меня радует, как выглядят Зени и Музи. Они создают впечатление счастливой пары, и дети их хорошо растут. Зени и Музи нравятся мне даже тогда, когда я пытаюсь взглянуть на них — невозможное дело — не как отец, а глазами беспристрастного наблюдателя. Никогда бы не подумал, что наша дочь превратится в такую благородную даму, какой она выглядит теперь. Их любовь к тебе радует и утешает меня. Несомненно, что за последние двадцать лет тебе, несмотря на невероятные трудности, удалось — как здесь, так и за границей — создать сообщество преданных друзей.

Полагаю, ты можешь признать, сколь важно так или иначе отблагодарить за сделанное нам добро. Необходимо также написать письмо зеленым [5]: их приглашение присутствовать на открытии бундестага, которое они прислали тебе, нужно рассматривать как, несомненно, серьезное.

Не можешь представить, как я расстроился, не получив от тебя в этом месяце письма, которое так ждал. Твои письма — это нечто очень важное для меня, читая их, я чувствую прилив сил — даже тогда, когда ты чуть огорчаешь меня некоторой неестественностью стиля: ведь письма стали частью нашей жизни, нашей любви, нашего счастья. Я думаю, если бы не они, какое разрушение и опустошение могла бы произвести в нас эта жизнь, которую мы вынуждены вести. Я сосредоточиваюсь всегда на приветствии и последних словах. Даже этих призна-

---

[2] *Имеется в виду Индира Ганди, бывшая премьер-министром Индии, и Сиримаво Бандаранаике, премьер-министр Шри Ланки в 1960—1965 и 1970—1977 годах.*

[3] *Процесс по обвинению Винни Манделы в нарушении правил проживания черных африканцев в городах.*

[4] *Н. Мандела был избран почетным доктором Лондонского университета.*

[5] *Имеется в виду партия зеленых в ФРГ.*

ний в чувствах мне достаточно, чтобы обрести новую силу и мужество.

Заканчивая, моя дорогая Мум, хочу сказать тебе, что на последнем свидании ты была очаровательна, особенно в воскресенье. Я начинаю видеть в Зени и Зинзи твою молодость и красоту.

Я люблю тебя. Твой Мадиба.

4 февраля 1985 года

Телеграмма Зинзи о смерти Ники (сестры жены Н. Манделы.— Ред.) была для меня тяжелым ударом, оправиться от которого я не смог до сих пор. Я часто спрашиваю себя: если бы со всей ясностью предвидел, с какими опасностями и страданиями тебе придется столкнуться в мое отсутствие, как бы я тогда принимал решение уйти в подполье, оставив тебя практически одну? Не хочу лгать, думаю, что, несмотря ни на что, мое решение наверняка осталось бы таким же, разве что, прежде чем сделать выбор, я обдумал бы все более тщательно и гораздо больше колебался. Твоя любовь и поддержка, очаровательные дети, которых ты подарила нашей семье, приобретение тобой многочисленных друзей, надежда снова радоваться этой любви и теплоте — вот что означает для меня жизнь и счастье. У меня есть женщина, которую я люблю и которая стоит того, чтобы любить ее и доверять ей,— женщина, чья любовь и терпеливая поддержка придают мне столько сил и надежды.

И тем не менее бывают моменты, когда эта любовь и это счастье, это доверие и эта надежда оборачиваются страданием, когда угрызения совести и чувство вины становятся невыносимыми, мучительными, и я спрашиваю себя: да есть ли на свете такое дело, которое могло бы служить достаточным оправданием тому, чтобы оставить в безжалостной пустыне молодую и неопытную женщину, в буквальном смысле слова бросив ее на растерзание разбойникам с большой дороги? Чудесную женщину, оказавшуюся без опоры и поддержки в постигшей ее беде...

Это страдание мучит меня, когда я вспоминаю, что за относительно короткий период ты потеряла четырех членов семьи. Это тяжелое испытание, и я хотел бы быть там, рядом с тобой, усадить тебя на колени, сказать тебе все те прекрасные слова, которые вызывает у меня твое имя, и помочь тебе пережить несчастье, поразившее семью.

Слишком хорошо зная, как дороги тебе близкие, я всегда крайне тревожусь, как ты перенесешь очередную трагедию. Вот что терзает меня с того самого дня, когда я получил телеграмму Зинзи, и моя тревога не уляжется до тех пор, пока я не увижу тебя.

Нельсон Мандела.

Перевел А. МУДРОВ

«Я ВЕРНУСЬ!»

со стр. 16 ▼

...Мы сделали все возможное, чтобы действовать в рамках закона и порядка, однако правительство ответило на нашу мирную политику актами произвола.

...Мы верим, что Южная Африка принадлежит всем людям, которые населяют нашу родину, а не какой-либо отдельной группе населения — будь то черные или белые.

Мы в АНК всегда стояли за демократию и свободу для всех рас и воздерживались от любых акций, которые могли бы вызвать углубление и без того глубокой пропасти между расами.

...Теперь разрешите мне сказать несколько слов о собственной политической позиции. Я уже отрицал, что являюсь коммунистом, и полагаю, что обязан вполне определенно заявить о моих политических взглядах и убеждениях.

Я всегда причислял себя прежде всего к африканским националистам и патриотам.

...Меня привлекает идея создания бесклассового общества. Я почерпнул мечту о таком обществе справедливости частично в марксизме, частично изучая историю древних племен в Южной Африке. Земля, а также основные средства производства принадлежали всему племени. Там не было ни богатых, ни бедных, не существовало и эксплуатации человека человеком.

Верно и то, что я в определенной степени разделяю марксистские взгляды. Но ведь такое же «обвинение в марксизме» можно бросить в адрес лидеров многих независимых государств Африки и Азии. Мы все признаем необходимость некоторых форм социализма для того, чтобы поднять народы наших стран на уровень современной цивилизации и преодолеть ужасающую нищету, оставленную колонизаторами. Но это отнюдь не означает, что мы являемся коммунистами.

...Я считаю вовлечение в нашу борьбу людей разных рас и разных политических убеждений важнейшей составной частью нашей общеполитической стратегии.

...Ущемление человеческого достоинства, переживаемое африканцами,— прямое следствие политики расового превосходства, проводимой белым меньшинством в ЮАР. Белое превосходство ведет к возникновению чувства неполноценности у черного большинства. Законодательство, призванное защитить апартеид, закрепляет эту несправедливость. Тяжелый труд в Южной Африке является исключительно прерогативой африканцев. Белые рассматривают африканцев как низшую расу. Их не интересует, имеют ли чернокожие семьи или нет; они даже не осознают, что африканцы так же влюбляются, как их белые братья; что они так же хотят быть со своими женами и детьми; что они мечтают зарабатывать достаточно денег, чтобы накормить, одеть и послать в школу своих сыновей и дочерей. Для африканца — домашней прислуги или садовника — это несбыточная мечта.

...Африканцы хотят зарабатывать достаточно, чтобы жить. Там, где они работают, они хотят иметь право на свой очаг. Африканцы не могут смириться с тем, что их заставляют жить в гетто. Они хотят жить со своими женами и детьми. Африканские женщины не хотят оставаться на положении вдов, месяцами не видеть своих мужей и взрослых сыновей. Африканцы не хотят оставаться на положении малолетних детей, которым не разрешают выходить из дома после 11 часов вечера. Африканцы хотят свободно передвигаться по собственной стране в поисках работы; они жаждут права самим выбирать работу, а не быть на положении рабов. Африканцы хотят безопасности. Они хотят чувствовать себя гражданами своей страны, которая принадлежит им по праву.

...Всю свою жизнь я посвятил борьбе африканского народа за справедливость. Я всегда боролся против расовой дискриминации — как белых по отношению к черным, так и черных по отношению к белым. Я всегда мечтал о демократическом и свободном обществе, в котором царят законы расовой гармонии и равных возможностей. Это тот идеал, за который я борюсь и торжество которого я ожидаю увидеть еще при жизни. Но, если будет надо, я готов отдать за этот идеал и свою жизнь.

10 февраля 1985 года дочь Нельсона Манделы Зинзи на многотысячном митинге в Соуэто зачитала его обращение к народу Южной Африки из тюрьмы Полсмоор. «Я член Африканского национального конгресса Южной Африки,— *говорится в этом послании,*— и останусь его членом, пока я жив... Я не могу и не буду брать на себя какие-либо обязательства, пока мой народ и я не обретут свободы. Ваша свобода и моя неразрывны. Я вернусь!» *Так заканчивается обращение Нельсона Манделы к народу Южной Африки.*

ОТ СУМЫ ДА ОТ ТЮРЬМЫ... или возвращение к напечатанному в № 11 за 1985 год материалу о процветающем за счет эксплуатации рабского труда учеников и последователей концерне «бога во плоти» авантюриста Бхагвана и его подручных. За прошедшее время в резиденции Бхагвана — Раджнешпураме (штат Орегон, США) произошел скандал. Прихватив свою и богову долю, сбежала «правая рука» «Великого Мастера», управляющая делами концерна Ма Ананд Шейла. На Бхагвана снизошло озарение — пора и ему уносить ноги. «Лучезарный» ударился в бега. Однако уйти далеко не удалось: его перехватили, предъявили обвинение в мошенничестве и арестовали. Потом выпустили, и «земной бог», обидевшись на США, вернулся в Индию. Но внакладе не остался. Потому что кое-кто из учеников по части умения околпачивать ближних оказался достойным учителя. Новые бхагваны учредили фонд помощи «Великому» мошеннику и уже набрали 45 миллионов долларов в виде пожертвований.

А ЧТО РИСУЮТ! Уж-ж-жасно страшных пиратов, бедолагу, одичавшего на острове, пятнадцать храбрецов, сундук мертвеца и бутылку рома.

Перед вами — иллюстрации английского художника Ральфа Стедмана к новому изданию. Вы догадались, какой книги какого писателя?

(«Остров сокровищ» Р. Л. Стивенсона)

ВЫ СПРАШИВАЛИ

Как расшифровываются буквенные обозначения, встречающиеся на пластинках и в музыкальной литературе?

LP (long play), album — долгоиграющая пластинка, диск-гигант. Скорость вращения — 33 1/3 оборота в минуту.

EP (extended play) — мини-альбом по размерам такой же, как и обычный LP, но содержит меньше песен.

Single, 45, иногда — SP (short play) — сорокапятка (скорость вращения 45 оборотов в минуту), в нашей стране применяется французский термин «миньон». Это маленькая пластинка с записью, как правило, одной песни на каждой стороне. В англоязычной прессе она также называется 7-inch (ее диаметр 7 дюймов, примерно 18 сантиметров).

Макси-сингл — удлиненная версия песни, выпускаемая в основном для дискотек. Скорость вращения 45 оборотов в минуту, но диаметр как у диска-гиганта, примерно 30 сантиметров, или 12 дюймов, отсюда еще одно название — 12-inch (иногда, кстати, так называют и мини-альбомы).

Pic (ture) disc — в буквальном переводе «пластинка с картинкой». На поверхность диска наносится изображение, имеющее отношение к содержанию песни, но чаще произвольное.

CD — компактный диск. Последнее на сегодня слово в аудиотехнике. Изготавливается из особого материала и проигрывается на лазерных вертушках. При малых размерах (12 сантиметров) CD вмещает значительно больше звуковой информации. Преимущество по сравнению с обычными пластинками — более высокое качество звучания.

Remix — перемикшированная версия музыкального произведения. С помощью современной студийной аппаратуры можно убрать партии отдельных инструментов и добавить другие, изменить аранжировку. В некоторых случаях таким образом старые монозаписи превращают в стерео.

Л. БОРИСОВ

«ПЕСНИ ПОД ДОЖДЕМ» — так назывался популярный старый мюзикл, в котором, как и положено, торжествовал хэппи-энд. «Песни под кислотным дождем» — так можно было бы назвать программу, с которой выступают сейчас западногерманские артисты. Цель программы — выручить средства для спасения и восстановления лесов, гибнущих от кислотных дождей (по прогнозам ученых, в ФРГ к концу века, если не принять экстренных мер, леса исчезнут полностью). Такие дожди и снегопады — результат выброса в атмосферу отходов производства химических концернов, продуктов сгорания угля, на котором работает большинство западноевропейских электростанций, выхлопных газов автомобилей и т. п. «Прежде ветер пел в твоих ветвях и в мажоре, и в миноре. Но голос природы умолк»,— поет один из участников движения «Робин Вуд» («wood» по-английски «лес») известный автор и исполнитель Удо Юргенс. Наши леса не похожи на те, что вы видите на снимке, но, может, стоит заблаговременно прислушаться к песням под дождем и нам?

ПЕРВЫЙ ДЕДУШКА РОКА. Да, уважаемые читатели, время неумолимо. И великодушно. Ринго Старр, ударник легендарной ливерпульской четверки, уже дедушка! Но зато на свет появился еще один Старр — внук знаменитого ударника из «Битлз» и сын тоже ударника, и, как знать, быть может, ударник какого-либо ансамбля XXI века. Семейные традиции — великая сила.

И ОН СНЯЛ «КАРМЕН»... В одиннадцать лет он пошел работать. Был посыльным, грузчиком — таскал корзины с фруктами и ящики на рынке. С детских лет он зарабатывал, чтобы прокормить себя и инвалида-отца...

Он пошел в балетную школу, там иногда давали поесть, и за три месяца выучился тому, на что у других уходили годы. Он начал выступать в кафе, театрах, тавернах с танцами фламенко — танцами гордой голытьбы, контрабандистов и красивых неверных девчонок...

Через много лет, когда он вырос и стал известным на всю Испанию танцовщиком, решил снять фильм, в котором был бы дух его юности, дух фламенко. И он снял замечательный фильм «Кармен», который идет сейчас на наших экранах. А зовут его Антонио Гадес.

ЧЕРТ ТЕ ЧТО НА ЗАКАТЕ ВЕКА

Розелина БОШ,
французская журналистка

Черт те что! Сегодня миллионы французов верят, что все их несчастья — козни дьявола. И если б только в дремучих нормандских лесах! Охота на нечистую силу идет в подвалах городских небоскребов, в подземных автостоянках. И куда уж дальше: в подземелье министерства обороны Франции служат черную мессу.

Современный сатана летает на самолетах, ездит в метро, собирает на предмет консультаций конференции и конгрессы. Согласно опросу 18 процентов французов верят в черную магию. Хорошо, хоть половина опрошенных все же не теряет надежды, что наступит день, когда наука найдет объяснение чертовщине. Вместе с тем церковь ежегодно получает несколько тысяч прошений, умоляющих изгнать вселившегося в верующих дьявола. Для психиатра нет ничего сверхъестественного в том, что «одержимый», из которого изгоняют нечистую силу, бьется в судорогах, закатывает глаза и издает нечеловеческие вопли. То, что церковь окрестила одержимостью, для медиков обыкновенная истерия. «Еще с конца прошлого века,— говорит ректор института психиатрии,— известно, что истерика — это язык, на котором говорит само тело». Но тем не менее родственники «одержимых» предпочитают обращаться к колдунам.

По самым скромным подсчетам, во Франции практикуют 30 тысяч магов, ворожей и прочих специалистов по чертовщине. Их годовой доход превышает в общей сложности 3 миллиарда франков. Впрочем, цифра эта весьма приблизительна: статья 405-я уголовного кодекса обещает от года до пяти лет тюрьмы шарлатанам, обманным путем внушающим гражданам веру в свою способность исцелять болезни, насылать порчу, несчастья и другие невзгоды. И хотя большинство магов практикует незаконно школы колдовства, различные братства неосатанистов и люцифериан официально зарегистрированы под фальшивыми благопристойными вывесками в качестве некоммерческих организаций.

Колдуны ежегодно выпускают сотни справочников и энциклопедий. Не обходит их стороной и телевидение: в феврале 1985 года телепрограмма «Антенн-2» показала прямой репортаж об «изгнании дьявола», а в июле — с сеанса мага Патрика Герена. Не проходит и дня, чтобы какая-нибудь газета не сделала сенсации на нечистом. Иные публикации весьма комичны: например, история тулузского бизнесмена, которого колдун, пообещав выгодный контракт с японской фирмой, заставил принести портфель, набитый деньгами, и плясать вокруг него до тех пор, пока и маг и портфель не дематериализовались. От иных — мороз пробегает по коже. Такова трагическая история медсестры из Монпелье, которая, «изгоняя беса» из своего шестилетнего сына, убила мальчика.

Но если б только одни французы... В Западной Германии, где в существование окаянного верит каждый четвертый, колдунов насчитывается около 80 тысяч. Три года назад вся страна с легкой руки газеты «Бильд-цайтунг» уверовала, что ведущий футболист Румменигге пал жертвой французского колдуна. В США в мае 1985 года крупнейшая фирма по производству стиральных порошков «Проктер энд Гамбл» была вынуждена поменять свою эмблему: она получала более 15 тысяч писем в день, в которых клиенты отказывались стирать порошками, поскольку на этикетке изображен нечистый (эмблема фирмы — почтенный старец на фоне звездного неба). Вернулись времена ведьм и в город Салем: предводительница массачусетских колдуний официально преподает в городском колледже.

Никому нет спасения от лукавого: даже певец Хулио Иглесиас верит, что виной его частых потерь голоса — дурной глаз.

Уже и бизнесмены, когда-то веровавшие лишь в силу денег, неспособные примениться к экономическому кризису, под постоянной угрозой банкротства валом повалили в приемные к колдунам. «Совсем недавно,— говорит «отец» люцифериан и суперзвезда среди колдунов Октав Сьебер,— мне нанес визит президент одной текстильной компании, по виду совершенно здоровый и благополучный мужчина, спортсмен. Побеседовали минут пятнадцать о том о сем, и вдруг: «Умоляю, помогите избавиться от конкурирующей фирмы. Они хотят меня спихнуть. Наслали на меня сглаз».

Служащие рангом пониже приходят к Октаву Сьеберу, чтобы предупредить посягательства молодежи на свой пост. Кто-то просит талисман от начальника: житья от него не стало. Верят ли они, что талисман поможет!

Нередко к колдунам приводит людей цепь несчастий, неудач по службе, болезни. Сорокапятилетний Шарль С. не может поверить, что и сама жизнь способна преподносить сюрпризы. «А бессонница! А с работы уволили! А жена ушла! А дети заболели! Как вы все это объясните!» Конечно, такой правде нелегко смотреть в глаза. Дьявол и злопыхатели — самые удобные ответчики.

Когда опускаются руки у врача, зовут ворожею. Когда та разводит руками, зовут экзорсиста, то есть изгоняющего дьявола. Должность эта хлопотная: слишком велик поток заявок. Мало кто из экзорсистов соглашается дать интервью. В лучшем случае анонимно, как отец Г. из Лиона. «Такие статьи вызывают лавину писем,— объясняет он свой отказ назвать имя.— Пишут люди, которые перестают понимать, что случилось с их жизнью, и винят во всем черта. Так, парнишка с трудным характером превращается в «одержимого». Привез его ко мне отец, профессор медицины, явно переутомившийся месье, которого собралась бросить жена. А перед тем как приехать, они спокойно ходили в зал игральных автоматов. Я ему говорю, может, это и не дьявол вовсе...»

Но есть и такие, кто охотно берется «изгонять дьявола». Некий плотник из провинции Коньяк, нарекшийся отцом Элием, пользует «одержимых», путешествуя по фермам со своим белым чемоданчиком, где хранятся складной алтарь, свечи и «святая вода». «Изгонять дьявола — адская работа»,— считает он совершенно серьезно.

Если к экзорсистам вроде отца Г. людей приводит чувство страха, то клиентуру черной магии создает ненависть. «Французы катятся в пропасть взаимной неприязни,— считает Октав Сьебер.— Еще три года назад мало кто просил напустить порчу. Теперь — сплошь и рядом». От кого же хотят избавиться французы! «Начиная с тещи и мужа и кончая мешающим спать соседским грудным ребенком». Естественно, ни один колдун не признается, что оказывает такого рода услуги. Тем не менее за них хорошо платят: 50—60 тысяч франков.

В отличие от астрологии, вооружившейся теперь ЭВМ,

магия остается консервативной. Конечно, приворотные зелья содержат нынче больше порошков из аптеки, чем крови летучих мышей, но как дьявол-85 верен своим старым привычкам, так до смешного верны себе и колдуны: они по-прежнему принимают клиентов в свободных алых плащах на голое тело среди невыносимо зловонных испарений. Консерватизм магии выражается и в том, что ее служители не отказываются от самого примитивного мошенничества. Так, хозяйке гостиницы в Нанси продали за 65 тысяч франков талисман, оказавшийся рулоном туалетной бумаги. Полиция крайне редко вмешивается в подобные дела. Ее занимают более серьезные преступления: осквернения могил, шабаши, кончающиеся массовым членовредительством. Так что налоговых инспекторов чертовщина боится куда больше, чем полиции и ладана. Дело в том, что два года назад колдунов включили в число налогоплательщиков. Было опасение, что общее несчастье еще больше сплотит оккультистов. Но нет. «У нас идет своя, оккультная война»,— говорит Юлл Руга, основатель первой в Европе школы оккультных наук. Поэтому, вероятно, он так тщательно и скрывает, сколько студентов пройдут семилетний, как и в медицинских институтах, курс обучения в его школе.

«Новая вспышка оккультизма в Европе,— считают руководители программ французского центра научных исследований,— объясняется невероятным отставанием школьного обучения от современных научных достижений, нестабильностью жизни, ломкой социальных ценностей, вероятно, и рядом других причин. Представитель средних слоев так же не понимает, как используют лазерный луч в медицинской операции, как и что такое «звездные войны». Он не уверен, сохранит ли он службу в банке или унаследованную от родителей бакалейную лавочку. Все, что происходит с ним, от него самого совершенно не зависит. Он в полной растерянности... и идет к колдуну».

Перевел с французского С. ВИКТОРОВ

ВОПРОС — ОТВЕТ

Мои вопросы: 1) где похоронен Джон Леннон; 2) какова судьба сына Леннона Джулиана; 3) есть ли памятник «Битлз» в Англии; 4) ансамбль «Уингз» и его судьба.

А. Дорош, о. Сахалин, г. Анива

Джон Леннон похоронен в Нью-Йорке. Его сын Джулиан тоже стал музыкантом. В 1984 году вышла его пластинка «Валотт», которую хорошо приняли публика и критика.

Что касается того, как хранят память о «Битлз», рекомендую прочитать материал на эту тему, опубликованный в 12-м номере «Ровесника» за прошлый год.

Группы «Уингз» больше не существует: последние пластинки Маккартни выпускает как солист.

Нам очень хочется, чтобы на страницах «Ровесника» появлялись статьи о группах «Ю-2», «Дюран-Дюран», «Альфавиль», «Ультравокс», «Классикс-Нуво», «Модерн токинг».

Нас двадцать человек, г. Гродно

Можно было бы, конечно, рассказать в двух словах о каждой из упомянутых вами групп. Но, с вашего позволения, я лучше расскажу более подробно об одной из них, на мой взгляд — наиболее интересной. Это группа «Ю-2». Сначала состав: Боно Вокс — вокал, Эдж — гитара, Адам Клэйтон — бас, Ларри — ударные. (Как видите, музыканты предпочитают не называть своих полных имен.)

Группа «Ю-2» из Ирландии, поэтому в их песнях можно заметить элементы ирландской народной музыки, оригинально вплетаемые в основу — четко ритмизированные мелодии в стиле «новой волны». Критики отмечают, что группа хороша практически во всех отношениях: сильная ритм-секция, мощный вокал и своеобразная манера гитариста. Кроме всего прочего, «Ю-2» — активная в политическом отношении группа, умеющая в отличие от многих исполнителей четко формулировать свои мысли. Если вы слушали их музыку, то, думаю, согласитесь с такой оценкой.

Жду заметку о происхождении группы «Рокетс».

О. Корунов, г. Ивантеевка

Есть две группы «Рокетс» — французская и американская. Судя по тому, что ансамбль из США у нас практически неизвестен, речь идет о французском. Этот коллектив возник в 1977 году и выпустил, насколько я знаю, пять пластинок (впрочем, я могу ошибиться, поскольку за творчеством «Рокетс» внимательно не следил). В составе ансамбля Кристиан Лебарц (вокал), Ален Гретцингер (ударные), Жерар л'Эр (бас-гитара, вокал), Ален Маратран (гитара, клавишные), Фабрис Куальотти (клавишные) и Зеус Хельд (вокал на некоторых пластинках). Стиль «Рокетс» — электронный рок.

Хочу дать один совет: лучше не пишите совсем, чем писать о старых ансамблях. Есть же новые, например «Аксепт», а вы о них не пишете.

С. Садков, г. Дзержинск

О музыке шестидесятых годов мы пишем потому, что это помогает более четко представить себе то, что происходит в музыке сейчас, в восьмидесятые годы,— будем считать это экскурсом в историю. Это, разумеется, не означает, будто наша позиция сводится к тому, чтобы идеализировать группы двадцатилетней давности и начисто отрицать новые ансамбли. Есть сейчас музыканты очень интересные, но вот «Аксепт» к ним отнести никак нельзя. Немного непонятно, как вы, человек, настроенный столь решительно против всего старого, можете любить группу, которая базируется целиком на приемах, разработанных именно в шестидесятые годы. «Аксепт» существует вот уже семь лет, но ни одной свежей идеи этот ансамбль еще так и не подарил музыкальному миру.

на стр. 31 ▶

Рис. Н. БЕНУА

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Дэвид БИШОФ,
американский писатель

Фантастическая повесть

Доктор Джон Маккитрик, старший советник министерства обороны США и глава электронно-вычислительного центра НОРАД [1], с нетерпением ожидал прибытия чиновников из Вашингтона. Сегодня могло решиться все. Он проверил, заряжена ли в видеомагнитофон кассета с записью беседы с капитаном Халлорхеном, тем самым дежурным командиром комплекса «Минитменов» в Северной Дакоте, который отказался выполнить приказ, не зная, что он был отдан в ходе учений. В конце концов статистика — это всего лишь цифры. Вот когда комиссия увидит и услышит этого офицера, она неизбежно осознает всю опасность нынешнего положения. И тут Джон А. Маккитрик предложит свое простое и элегантное решение.

Он подошел к застекленной перегородке и заглянул в соседнее помещение: там находился оперативный зал НОРАД — десятки компьютерных пультов и электронных табло. Этот зал недаром прозвали Хрустальным дворцом. Оборудование сверкало и искрилось, мигали сигнальные лампочки, светились экраны, отбрасывали блики хромированные детали. Это был нервный центр военной системы Северной Америки, отсюда исходили приказы подводным лодкам, межконтинентальным баллистическим ракетам и стратегическим бомбардировщикам.

Раньше командный центр НОРАД размещался в небоскребе, возвышавшемся над городом Колорадо-Спрингс. Это была уязвимая цель, и в начале 60-х годов центр решено было перебазировать в толщу горы Шайенн. В горе вырыли шахты и создали комплекс из пятнадцати стальных бункеров. И вот теперь светящиеся точки на электронных табло Хрустального дворца показывали местоположение всех самолетов и космических аппаратов, следящих за небом; сюда же стекалась информация с рассыпанных по всему свету стационарных и мобильных баз. Здесь несли круглосуточное дежурство тысяча семьсот военнослужащих военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил США, вместе с гражданскими специалистами и офицерами связи канадской армии.

Маккитрик участвовал в создании многих компьютерных систем. Они были его детищем. Его и Фолкена... Вспомнив о Фолкене, Маккитрик усмехнулся: я покажу тебе, упрямый осел, погоди немного.

Сейчас, наверное, черные лакированные «линкольны» с вашингтонским начальством поворачивали ко входу в НОРАД, расположенному на высоте двух тысяч метров над уровнем моря.

Его помощница Пат Хили встретит людей из Вашингтона у контрольного пункта и прицепит им к пиджакам красные пластмассовые пропуска. Затем они пройдут метров четыреста по выбитому в скале туннелю к искусственной пещере, а оттуда — в сам комплекс. Двери были почти метровой толщины и весили по двадцать пять тонн, но каждая открывалась и закрывалась за тридцать секунд. Запасы воды, провизии, энергии и воздуха на подземном командном пункте позволили бы личному составу продержаться тридцать дней, в случае если он окажется отрезанным от поверхности.

В чреве этого циклопического алтаря войны Маккитрика охватывали разом чувство безопасности и тревога. Но он привык считать его своим домом.

Пат Хили ввела гостей в зал. Маккитрик был знаком с обоими заочно, ему приходилось обмениваться с ними письмами. Но лично он еще никогда не общался со столь высокопоставленными особами.

Артур Кэбот пожал ему руку, одновременно скользнув взглядом по пультам и гигантским картам.

— Рад наконец познакомиться с вами, Маккитрик. Жаль, что это приходится делать в столь официальной обстановке.

У Кэбота было морщинистое лицо, короткая стрижка. Кожистый — так бы описал его Маккитрик. Жесткий и кожистый. Пожалуй, он выглядел как поседевший в боях танкист. Рукопожатие помощника Кэбота, Лайла Уотсона, было мягким, холодным, профессиональным. Тонкий и элегантный человек, намного моложе шефа, он гораздо больше подходил для роли чиновника.

— Джентльмены, прошу садиться,— проворковала Пат Хили.

— Да-да. Генерал Берринджер будет здесь с минуты на минуту,— сказал Маккитрик.— Пат, будьте любезны, включите видеозапись. Я уже вставил кассету.

— Та пленка, что мы затребовали? — спросил Кэбот.

— Доставили с нарочным,— уточнил Маккитрик.— Прекрасная иллюстрация проблемы, которую нам надлежит решить. А вот и генерал.

Генерал Джек Берринджер и его заместитель Догерти не скрывали недовольства. Грузный Берринджер буркнул нечто похожее на «здрасьте» в сторону Маккитрика, а затем официально представился гостям.

— Господа,— начал Маккитрик, усаживаясь во главе стола,— полагаю, не надо объяснять, зачем мы собрались здесь. Пару недель назад, во время обычной проверки готовности дежурных на стартовых установках, некий капитан Джерри Халлорхен, командир комплекса «Минитменов» в Северной Дакоте, не сумел повернуть ключ запуска. Капитан, разумеется, был отстранен от дальнейших дежурств...

На экране возник капитан Халлорхен, сухощавый человек лет сорока. Из-за кадра доносился голос психиатра:

— Вам приходилось когда-либо лично убивать людей?

Халлорхен облизнул губы:

— Я был во Вьетнаме, сэр. Участвовал в воздушных налетах.

— Но вы были тогда моложе... гораздо моложе,— заметил психиатр.

Халлорхен рассматривал носки ботинок:

— К чему все это? Я офицер и согласно присяге обязан беспрекословно выполнять любые задания. До сих пор, как вы могли прочесть в моем личном деле, я выполнял свои обязанности беспрекословно.

— Что же произошло? Вы не знали, что это была учебная тревога?

— Нет, сэр,— ответил Халлорхен.— Я думал, что запускаю ракету. Я просто не мог заставить себя повернуть ключ.

Голос психиатра:

— Быть может, вы представили себе последствия... чувство моральной ответственности... личной вины?

— Может быть,— произнес Халлорхен.— Может быть...

Пат Хили приглушила звук.

— Беседа продолжается еще полчаса. Насколько можно судить, этот человек в последнюю минуту натолкнулся на этическую преграду. И он не одинок. Были и другие случаи, когда дежурные не смогли повернуть ключ... и впоследствии не могли дать этому объяснения. Они застывали, словно пораженные столбняком.

Генерал Берринджер нервно запыхал сигарой. Тонкий дымок потянулся вверх, расплываясь голубоватым слоем по комнате.

— Типичный случай,— произнес он отрывисто-грубым командирским голосом.— У всех у них прекрасные послужные списки. Мы производим тщательный отбор. Офицеры считают за честь стать командиром ракетной установки.

Кэбот весь подобрался. Его голос прервал неубедительные рассуждения Берринджера.

— Генерал, более двадцати процентов ваших ракетчиков, подобно этому капитану, не смогли, хуже того, отказались произвести пуск во время учебной тревоги. Думается, так называемая «честь» значит для них не слишком много.

Уотсон откинулся в кресле.

— Отказы от выполнения приказа превратились в широко

Продолжение. Начало в № 2.

[1] *НОРАД — Объединенное командование аэрокосмической обороны Северной Америки.— Прим. ред.*

распространенную болезнь в наших вооруженных силах,— мягко заговорил он, обращаясь к Маккитрику.— Но президент в первую очередь озабочен состоянием боеготовности наших баллистических ракет.

Маккитрик кивнул. «Да, да, я как раз тот человек, который выведет вас из прорыва»,— подумал он.

— Можете передать президенту,— отчеканил Берринджер,— что я отдал приказ полностью пересмотреть процедуру отбора личного состава ракетчиков. Мы пригласили для консультаций лучших специалистов-психологов.

«Самое время»,— подумал Маккитрик.

— Извините меня, генерал,— произнес он вслух,— но, думается, это пустая трата времени. Вы подобрали вполне надежных людей. Проблема не в них, а в том, что мы от них требуем.

Кэбот посмотрел на часы.

— Послушайте,— устало сказал он,— через час, даже меньше, мы должны уже быть в самолете. И по возвращении я обязан объяснить президенту, почему двадцать два процента командиров ракетных установок не смогли запустить ракеты. Что я ему скажу, черт возьми! Что эти двадцать два процента — неплохие ребята?

Берринджер побагровел.

— Я убежден, что более строгий отбор...

— Генерал,— перебил его Маккитрик, вновь захватывая инициативу,— нельзя же действительно допустить, чтобы комиссия вернулась в Вашингтон с грузом первостатейной ерунды.— Он повернулся к гостям и выдержал театральную паузу.— Ясно, что предусмотреть все человеческие реакции невозможно. Люди, сидящие за пусковым пультом, знают, что повлечет за собой поворот ключа. Нам следует вообще исключить участие людей в стартовом цикле.

— Вы соображаете, что говорите, Маккитрик?! — взорвался Берринджер.

Но Кэбот уже проглотил наживку.

— Вы имеете в виду — убрать людей с командных пунктов? — спросил он.

— А почему бы нет? — вопросом на вопрос ответил Маккитрик.

Берринджер вскочил, забыв в гневе про сигару, и, уперев указующий перст в Маккитрика, загрохотал:

— Люди сидели у нас в шахтах, охраняя страну, когда все вы еще смотрели мультики по телевизору!..

«Какая дубина»,— подумал Маккитрик.

— Генерал,— возразил он нарочито спокойным голосом,— я не спорю, у вас там сидят прекрасные люди... Но в этом-то вся загвоздка! Ведь все, что от них требуется,— это повернуть ключ, когда компьютер прикажет им сделать это.

— Вы хотите сказать, когда президент прикажет им повернуть ключ,— поправил Уотсон.

— Разумеется,— согласился Маккитрик. Он одарил присутствующих хорошо отрепетированным взглядом.— Господа, вы можете уделить мне пять минут?

Джон Маккитрик шествовал между машинами, как гордый папаша среди детей. Пусть называют шедевром картину Рембрандта, роман Флобера или симфонию Бетховена, как бы говорил он, а для меня нет лучше любой из этих крошек!

Тускло светились экраны стоявших плотными рядами компьютеров, мигали лампочками приборы, сновали одетые в спецовки техники, похожие на рабочих муравьев в гигантском муравейнике. Операторы и программисты щелкали тумблерами — передавали информацию, глядя на гигантские карты Северной Америки, СССР, Китая и обоих полушарий, горевшие в подземелье, как неоновые рекламы в ночи на Таймс-сквер.

— Прошу сюда, господа,— сказал Джон Маккитрик, подходя к стеклянной загородке. Да, если они согласятся с его предложениями, во всем ведомстве воцарится полный порядок. Наконец-то он покажет этим тупоумным военным, на что способны его машины.— Осторожно, ступеньки... Ага, прекрасно, Рихтер на месте. Господа, Поль Рихтер — один из моих помощников. Это ведь не ваша смена, Поль? Я специально попросил его задержаться и дать нам необходимые объяснения.

Поль Рихтер, пухлый человек с козлиной бородкой, в очках, при галстуке и жилете, походил на врача-психиатра. Он нервно кивнул важным гостям и встал рядом с большой серой машиной размером с «фольксваген».

— Внушительный аппарат,— сказал Кэбот.

— Мистер Кэбот, мистер Уотсон, полагаю, вам не надо объяснять, откуда к нам поступает исходная информация,— произнес Маккитрик.

Кэбот хмыкнул, чуть согнав с лица суровость:

— Служебные инструкции обязывают нас знать это, так ведь, Уотсон? Разведывательные спутники, патрульные самолеты, сообщения наблюдателей и радарных станций...

— Совершенно верно. Вся эта информация попадает сюда, на командный пункт, и заносится на карты...— Маккитрик сделал паузу и указал на ряды ЭВМ.— Компьютеры показывают ситуацию в мире на данный момент. Наиболее важные данные,— он подошел к серой машине, возле которой Рихтер теребил свой узенький черный галстук,— вводятся... в компьютер ОПРУ.

— Оперативный план ракетного удара,— расшифровал Уотсон.

Маккитрик кивнул и повернулся к помощнику:

— Мистер Рихтер сейчас объяснит нам его назначение.

На лице у Рихтера промелькнуло подобие улыбки.

— Гм,— он откашлялся. Рихтер явно был более привычен к диалогу с компьютерами, чем с людьми.— Система ОПРУ круглосуточно просчитывает варианты третьей мировой войны. Используя данные о ситуации в мире, она проводит безостановочную серию военных игр.

— ОПРУ бессчетное число раз вела в виде игры третью мировую войну,— продолжил Маккитрик.— Система настроена на выбор оптимального варианта в условиях реальной войны. Ключевые решения по основным параметрам ядерного кризиса уже введены в нее. Если настанет момент, когда президент отдаст приказ о приведении плана в действие, надо иметь полную гарантию, что он будет выполнен. Данная машина — наш лучший генерал. Когда дело дойдет до применения ядерного оружия, эта система обеспечит нам наибольший шанс на выигрыш.

Кэбот одобрительно кивнул.

— Насколько я понимаю,— сказал он,— сейчас наше ракетное оружие, обошедшееся стране в триллион долларов, находится в руках дежурных. Если они откажутся повернуть ключ, весь арсенал можно считать бесполезной грудой металла. А процент отказов невероятно высок.

— Проблема в том, что они — люди. При всем уважении к присутствующим можно ли гарантировать, что, окажись на месте дежурных, мы по первому сигналу повернем ключ и обречем на гибель миллионы людей? — Маккитрик уставился на Кэбота. Наступил решающий момент.— Дайте мне от четырех до шести недель сроку, и мы сможем заменить людей, иначе говоря, подверженные срыву людские механизмы стопроцентно надежными электронными реле. Мы исключим человека из цикла действий ЭВМ!

— Я уже говорил вам, Джон,— с обычной бесцеремонностью прервал его Берринджер,— что считать вашу кучу микросхем панацеей от всех бед — глупость. Как можно исключить людей из управления! Я согласен, у наших военных нет такого опыта ведения атомной войны, как у ваших компьютеров. Пусть машины дают советы, но решать должны люди.

— Но представьте,— возразил Маккитрик,— что совет получен и президент, не дай бог, решит отдать приказ. Времени на то, чтобы обсуждать с военными, как вести войну, у него не будет. Мы считаем, что человек должен принимать решения лишь там, где следует... на самом верху.

Помолчав минуту, Кэбот заключил:

— Доктор Маккитрик, мы углубились в технические аспекты... Думаю, вам следует доложить свои соображения лично президенту.

— Я готов,— откликнулся Маккитрик.

— Решено,— сказал Кэбот.— Следует полагать, что ваше предложение вызовет кое у кого из либералов дрожь в коленках. Других затруднений я не предвижу.

Дэвид Лайтмен мчался мимо рядов одинаковых домов через стриженый газон, неотличимый от стриженого газона любого американского пригорода. Иногда он пытался

представить себе, каково было бы жить в Калифорнии, Флориде, Канзасе или каком другом штате, но всегда приходил к выводу, что особой разницы между ними нет. Здесь, в Сиэтле, отец хотя бы имел работу (он был бухгалтером-ревизором), а мать открыла для себя радости торговли недвижимостью.

Средняя школа имени Хэмфри представляла собой ансамбль из серых кубов, окруженных сетчатой оградой. Дэвид пролез сквозь дыру в сетке, ворвался через боковую дверь в коридор школы и, не обращая внимания на дежурные мониторы, взлетел на второй этаж. Найдя кабинет биологии, он замедлил шаг, чтобы незаметно проскользнуть внутрь.

Помещение пахло формальдегидом, зверями и минеральными удобрениями. Булькал аквариум. Учитель по имени Амос Лиггет стоял у доски с куском мела в руке.

— Ага,— сказал он, заметив вновь прибывшего,— вот и Дэвид осчастливил нас. Добро пожаловать.— Он откинул со лба прядь редких волос и двинулся к покрытому черным пластиком лабораторному столу, отделявшему его от учеников.— Вас ждет сюрприз.

Дэвид уже направлялся в конец класса. По возможности он всегда устраивался в задних рядах и вообще старался быть в тени. Пришлось остановиться и вернуться к Лиггету. Тот держал синюю тетрадь для контрольных работ, причем так, чтобы она была видна всему классу. На обложке виднелась крупно выведенная красными чернилами двойка.

Лиггет улыбался, обнажив желтоватые зубы. Воротник его вискозного халата был густо усыпан перхотью — из-за этих «осадков» ученики прозвали преподавателя биологии Атомной бомбой.

Дэвид взял тетрадь, демонстративно пожал плечами и побрел к своему месту. По пути он не без удивления отметил, что Дженифер Мак пересела за его стол. Приятно.

Между тем Лиггет продолжил тираду, прерванную появлением Дэвида:

— В истории науки известны случаи, когда новые революционные концепции рождались в результате неожиданного озарения,— он навалился на стол, и его толстый живот растекся по пластику,— Дженифер? Ага, вот вы где! Дженифер Мак, отвечая на вопрос номер двадцать четыре «Почему азотные клубеньки тянутся к корням растений?»...

Дэвид глянул на соседку. Та потупилась в явном смущении, и прядь каштановых волос легла на раскрытую книгу. Красивые волосы. Интересно, рассеянно подумал Дэвид, каковы они на ощупь.

— ...написала — «любовь»,— безжалостно закончил Лиггет.

Весь класс, хихикая, повернулся к ней. Дэвиду стало отчаянно жаль Дженифер.

— Любопытный ответ, мисс Мак,— язвительно продолжал Лиггет, явно наслаждаясь впечатлением.— Возможно, мисс Мак известно об азотных клубеньках нечто такое, что неведомо нам? Вы готовы поделиться своей интимной информацией?

Дженифер подняла голову, посмотрела на учителя и с вызовом в голосе ответила: «Нет». Дэвид никогда еще не видел ее такой хорошенькой.

— Ясно,— провозгласил Лиггет.— Вы не знали правильного ответа — симбиоз. А не знали потому, что невнимательны на уроках.— Лиггет пренебрежительно бросил тетрадь ученику в первом ряду.— Передайте, пожалуйста, мисс Мак.

Дженифер вздохнула. Она, конечно, заметила, что Дэвид единственный из класса не смеялся, и улыбнулась ему благодарно и беспомощно. От сочувствия у него екнуло сердце.

— Не расстраивайся. От двойки еще никто не умирал.

— Как же,— прошептала она.— Расскажи это моему отцу. Когда он увидит дневник в конце года, его хватит удар.

Лиггет продолжил разбор убийственной контрольной. Дэвид с облегчением отвернулся от Дженифер. Ему было нелегко поддерживать разговор с девочками. Не то чтобы они не нравились ему. Просто они были неизвестными показателями. Переменные величины, так можно было бы обозначить их на машинном языке. Девочки не придерживались в поведении никакой логики. С девочками полагалось вести себя как-то иначе... не то что с компьютерами. Что-то происходило с ним, когда они, улыбаясь, глядели на него...

Эх, знать бы, как разговаривать с такой, как Дженифер Мак. Она часто улыбалась ему, особенно после того дня, когда старый Лиггет принес в класс удава.

Они проходили тогда рептилий. Дэвид по обыкновению думал о чем-то своем и не заметил, как на гигантском лабораторном столе у Лиггета оказался стеклянный террариум. На дне его лежал полутораметровый удав. Здоровенная тварь шевельнулась и уставилась на них злющими глазами, высовывая и убирая язык, словно примеряясь, кого сожрать первым.

Но это было не все. Старик Лиггет превзошел самого себя. Он вытащил из клетки любимца класса, толстого хомяка Германа, снял проволочную сетку, накрывавшую террариум с удавом, и сунул туда хомяка.

— Мне надо отлучиться. Проследите за тем, что произойдет, и подготовьте мне подробный отчет,— сказал он, выходя.

Большинство мальчиков стали завороженно следить за тем, что произойдет. Кроме Дэвида. Его всего передернуло от отвращения. Не говоря ни слова, он подбежал к учительскому столу, поднял сетку, сунул руку в террариум и выудил Германа. Девочки устроили овацию.

— Нарвешься на неприятности, Лайтмен! — заорал один балбес по фамилии Кросби.

— Еще одно слово, Джон,— накинулась на него подружка,— и я с тобой никуда не пойду в пятницу!

— А что мы скажем Атомной бомбе? — спросил кто-то

— Скажем, что змея слопала Германа,— предложил чей-то голос.

— Но у нее должно тогда вздуться брюхо.

— Лиггет забыл сегодня очки.

В тот день Дженифер впервые улыбнулась ему, а Герман переселился к Дэвиду домой.

«Внеполовое размножение = без участия половых органов»,— написал на доске, вернувшись в класс, Лиггет.

По классу пробежал смешок.

— Не вижу ничего смешного,— оповестил Лиггет.— Мистер Радуэй, напомните нам, кто первым выдвинул идею внеполового размножения высших организмов.

Радуэй заерзал на стуле.

— Мендель?

— Рановато.

В глазах Дэвида заплясали искорки, наклонившись к Дженифер, он шепнул ей два слова.

Дженифер фыркнула. Она пыталась сдержаться, прижав ко рту ладонь, но не смогла.

— Мисс Мак,— раздраженно произнес Лиггет,— у вас что — эпилептический припадок? Почему вдруг такое веселье?

Дженифер, опустив голову, пыталась совладать с собой. Но, взглянув на Дэвида, она снова громко фыркнула.

Лиггет разъярился и, словно акула, кинулся на жертву. Его лицо побагровело.

— Прекрасно, Лайтмен. Извольте сказать нам, кто первым подал идею внеполового размножения.

Дэвид выпрямился, покосился на Дженифер, поднял брови на манер комика Джона Белуши и произнес с невинной улыбкой, глядя прямо в лицо Атомной бомбе:

— Ваша жена?

— Мистер Лиггет прислал меня обсудить с мистером Кесслером вопрос о моем поведении на уроке,— объявил Дэвид Лайтмен, входя в канцелярию школы.

Молодая женщина, секретарь дирекции, скептически оглядела его поверх съехавших на нос очков.

— Кажется, я уже видела вас здесь. И неоднократно.

Дэвид толкнул дверь, вышел в коридор, плюхнулся на деревянную скамью и стал разглядывать свои потертые кроссовки.

Неожиданно ему в голову пришла шальная мысль. Раз уж он здесь, надо попробовать.

Справа от него был кабинет Кайзера, так они прозвали за-

местителя директора Кесслера, ведавшего в школе вопросами дисциплины. Из-за двери доносился его резкий лающий голос. Коридор упирался в два компьютерных помещения. Дэвиду была видна сидевшая у одного терминала немолодая женщина. Но вторая комната была пуста, и дверь в нее широко открыта.

Как раз то, что надо! Только бы на дисплее оказался пароль пользователя.

Тревожно косясь на женщину в соседней комнате, Дэвид двинулся к оставленному без присмотра компьютеру. Если его застукают, шум поднимется до небес, но стоило рискнуть.

Все заняло ровно одну секунду.

На мониторе виднелся длинный список паролей, все они были зачеркнуты, кроме последнего: «грифель».

Назад!

Дэвид долетел до скамьи как раз в тот момент, когда дверь кабинета открылась и оттуда понуро вышел ученик.

Кайзер Кесслер махнул Дэвиду рукой.

— Снова вы, Лайтмен? Какой сюрприз.

Дэвид с кислой миной протянул ему записку Лиггета.

Кесслер взял ее, прочел и откинулся в кресле, задумчиво глядя на Лайтмена и покусывая толстые губы.

— Не могу понять вас, Лайтмен..,— сказал он.— Садитесь. Хочу поговорить с вами. На сей раз не будет ни испытательного срока, ни записки родителям, ни даже звонка отцу.

Дэвид Лайтмен сел, недоверчиво глядя на собеседника.

— Вы прекрасно справились с тестами пригодности, особенно по математике... Да, я узнавал у вашего классного руководителя.— Кесслеру было уже под сорок, но он упрямо носил короткую военную стрижку и выглядел типичным немецким инструктором по строевой подготовке, чем и заслужил у школьников кличку Кайзер. Его старания по части наведения дисциплины были известны всему городу. Дэвид подозревал, что Кесслер втайне сожалел о том, что жил в 80-е годы XX века, а не воспитывал подопечных в эпоху розог и шпицрутенов.

— И что же?

— Вы могли бы стать первым кандидатом в отличники. Однако вас в который уже раз направляют ко мне в кабинет.

— Мистер Кесслер, но я не дерусь, не пью, не курю, не балуюсь наркотиками...

— Знаю, вы — хитрая бестия. Ваше хобби — изводить учителей.— Кесслер, шумно вздохнув, заложил руки за голову.— Во что мы превратимся, если каждый ученик станет таким, как вы, Лайтмен?

— В школу одаренных детей?

Кесслер рассмеялся.

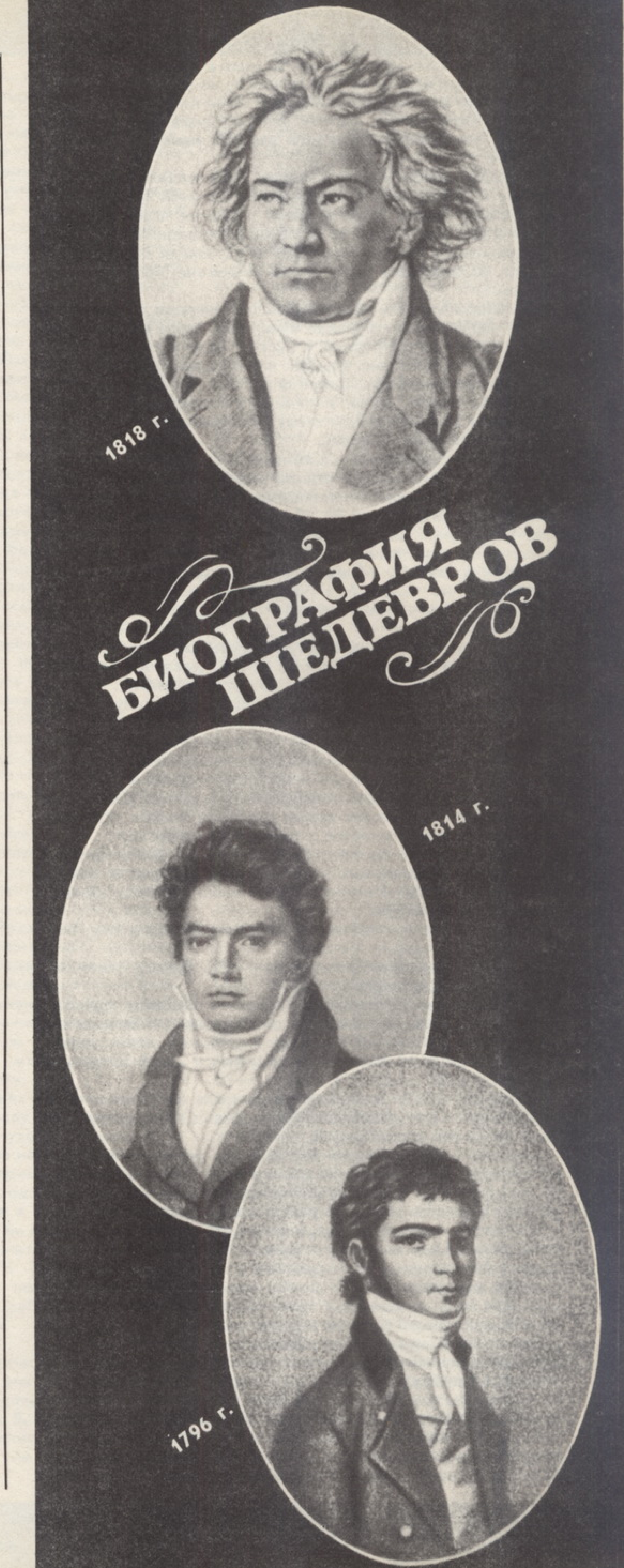
— Знаете, Лайтмен, будь вы моим сыном, я бы положил вас на колено и отшлепал хорошенько. Но, боюсь, сейчас это уже поздно... Вы ведь считаете, что все знаете, верно, Лайтмен? Рассчитываете выкрутиться из любого положения. Для вас удовольствие — сунуть палку в колеса и посмотреть, сколько спиц сломается. Нет, вы неплохой парень. Я-то знаю, что такое плохие дети, поверьте. Но у вас извращенный вкус, не находите? — Кесслер улыбнулся, вытащил из пачки зубочистку и начал ковыряться в зубах.— Вам, очевидно, известно, Лайтмен, что я отвечаю в школе за внеклассную работу...

Дэвид заморгал. Кайзер еще долго что-то говорил и наконец закончил свой монолог:

— А теперь катитесь, Лайтмен, и чтобы я вас больше здесь не видел.

Перевел с английского М. МАШИН

Продолжение следует

СИМФОНИЯ

Легенда о 3-й, «Героической»

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский писатель

В дверях появился полный мужчина в халате. Это был Родольф Крейцер, скрипач, зачисленный в дипломатическую миссию Бернадота в качестве приманки для сановных австрийских меломанов. Громоподобная музыка, видимо, разбудила его, во всяком случае, вид у месье Крейцера был явно недовольный. Бетховен, словно школяр, вытер вспотевшие ладони о панталоны и сказал смущенно:

— Простите...

Бернадот бросился к скрипачу:

— Вы слышали, Родольф?! Маэстро воскресил дух Арколе. Вы помните? Вы не забыли ваш концерт после боя, во славу победы?..

— Припоминаю,— сухо ответил Крейцер.

— А как вам понравился опус господина Бетховена? — не отступал посол.

— Я слушал издалека, из своей спальни, и поэтому не могу быть судьей...

— И все же?

— И все же, все же... Ах, генерал, музыка — дело сложное. Всякий находит в ней, что пожелает. Вы услышали свой Арколе, я — нечто не укладывающееся в привычные каноны симфонизма. Не так ли, маэстро?

— Наверное, так,— ответил Бетховен.— Возможно, я слишком увлекся и забыл о канонах. Это раздражает вас? Но вот генерал... Он услышал именно то, что я хотел сказать...

— Интересно! — воскликнул Крейцер.— Вы полагаете, что военный эпизод может быть переложен на музыку?

— На музыку может быть переложено все. Человеческие судьбы, страдания, героизм, страсти, надежды... Не об этом ли стремится поведать миру музыкант?

— М-да,— задумчиво проговорил Крейцер, прохаживаясь по залу.— А что вы скажете о форме вашего экспромта?

Бернадот всплеснул руками, готовый вступить в спор, но Бетховен его опередил:

— Ваш Бонапарт разгромил Вурмсера только потому, что нарушил классическую диспозицию боя. В музыке то же — если хочешь победить... Я играл, не думая о канонах. Может быть, в этом и скрыта моя победа... Будущая...

— Но, дорогой маэстро,— высокомерно произнес Крейцер,— музыкальные формы выдуманы не для забавы.

— Они вообще не выдуманы, коллега,— ответил композитор.— Форма — плод накопленного опыта, и именно поэтому она развивается. Форма, если хотите знать, как одежда. Настоящая музыка стремится сорвать ее, когда она становится тесной.

— Да вы настоящий Робеспьер! Готовы подвести под гильотину классику, как тот подвел под гильотину Жиронду[1]...

— Родольф, это уж слишком! — строго прикрикнул Бернадот. Крейцер пытался сказать что-то еще, но Бетховен перебил его:

— Никто не может «отрубить голову классике»! Эта вершина будет возвышаться вечно. Но как в природе, так и в музыке нет одной-единственной вершины. Красота — это гряда вершин. Вот, к примеру, Филидор[2] и вы — две вершины в скрипичном искусстве. Филидор, говорят, играл как бог, а вы играете как гражданин. Вы оба великие музыканты, но различны по стилю... Вы понимаете меня, Крейцер?

Это «Вы понимаете меня, Крейцер?» прозвучало почти что вызывающе. Скрипач замер, потом медленно повернулся и так, стоя спиной к композитору, бросил через плечо:

— Но чем вы подкрепите свою мысль?

— Чем? — переспросил Бетховен, несколько устыдившись своей горячности.— Впрочем, вот — я уже набросал эскиз сонаты для скрипки и фортепиано, идея ее пришла мне в голову на одном из ваших концертов. И еще тогда, на концерте, я решил посвятить ее вам... Музыка, моя соната, подкрепит мою правоту.

Крейцер не знал, что ответить. В этом германце была какая-то суровая одержимость, придававшая глубокий смысл каждому произнесенному им слову. Даже в сообщении о том, что он посвятил свою сонату Крейцеру, не было и тени желания понравиться или смягчить спор.

Молчание затягивалось, Крейцер все яснее ощущал, что бетховенская сила смущает и сковывает его. Чтобы выйти из неловкого положения, он сказал:

— Благодарю вас за посвящение, маэстро! Я всегда буду помнить о нем и о нашем сегодняшнем разговоре.

— Боюсь, мы спорим не как художники, а как политики! — с горечью заметил Бетховен.— Я лучше говорю музыкой, чем словами...

— Вот видите, Родольф,— назидательным тоном произнес Бернадот,— вы предложили дуэль, и вы ее проиграли. Будем надеяться, что Бетховен не воспользуется своим правом победителя.

— Ни в коем случае! — воскликнул композитор. Но Крейцер прервал его, задетый замечанием Бернадота:

— Извините, я устал. Пойду спать!

Бернадот попытался было задержать его, но не успел, и шаги Крейцера еще долго слышались в коридоре и на лестнице, быстрые и нервные...

Бетховен глядел ему вслед. Он думал о Крейцере и о революции. Крейцер не понял ее, хотя и играл в ее честь. А ведь то, что обновило жизнь, должно вторгнуться и в музыку. Судьба XVIII века решена не только политически, но и духовно, и новый век должен стать демократичнее не только в общественном мышлении, но и во вкусах. Он уже слышал свою новую симфонию...

— О чем вы задумались, маэстро? — спросил Бернадот.

— Об Арколе, генерал,— ответил Бетховен,— о мосте, по которому надо перейти с одного берега музыки на другой.

...Как всегда, его успокоила природа. Он чувствовал ее строгую логику. Какая четкая последовательность: равнина, лес, луга и выше — голое чело горы. И ни одной неточной линии, ни одной неуместной краски, которые бы нарушали могучую устремленность земли к облакам. Его симфония должна звучать так же — естественно, свободно и логично. Да, в первой и второй частях он нарисует жизнь и смерть героя, но обычный бой превратится у него в битву гигантских

Продолжение. Начало в № 2

---

[1] *Жиронда — политическая партия времен Великой французской революции, представлявшая интересы торгово-промышленной и земледельческой буржуазии. Поначалу жирондисты выступали вместе с другими революционными силами, но позже пытались затормозить развитие революции и постепенно превратились из консервативной в контрреволюционную силу. Пытались развязать гражданскую войну против якобинского правительства, инспирировали убийство Марата, их мятеж был подавлен в 1793 году.— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *Франсуа Андре Филидор (1726—1795) — французский скрипач и композитор.*

стихий, в поединок судьбы и сути человека. А затем — траурный марш, который, как тень облака, покроет землю, полную огня и грохота, и вся Вселенная будет скорбеть о человеке, отдавшем жизнь во имя свободы и равенства. Над телом убитого склонят свои ветви деревья, и скорбно онемеют скалы...

Бетховен спускался с горы к полям, окружавшим городок Гейлигенштадт, куда он сбежал от венской суеты, и вслед за ним, вниз по лесной тропинке, летело скерцо, третья часть его симфонии. Но финал, финал... Как передать мысль о бессилии смерти, о том, что вопреки ей дело героя торжествует? Как передать ощущения, которые рождает такое вот утро, светлое утро после ночной грозы? Где-то в глубине души он услыхал свою любимую тему в ми-бемоль-мажоре — он уже использовал ее в балете «Творение Прометея» и в вариациях для фортепиано. Тему он взял из венгерского фольклора, это была поистине народная мелодия, полная упругой энергии и танцевального блеска, способная обобщить весь демократизм новой симфонии.

Композитор оглянулся, будто кто-то мог подслушать его музыку, и начал напевать, пытаясь воспроизвести то, что звучало в нем. Постепенно голос его становился сильнее, он дирижировал невидимым оркестром. Теперь все вокруг звучало, музыка уносилась в небо, могучая и жизнерадостная. «Форте, форте!» — кричал человек и все чаще вздымал правую руку, словно в ней была сабля или знамя... Он закрыл ладонями лицо и опустился на влажную землю. Финал найден. Наконец-то симфония будет завершена. Моста над Альпоне уже не было, оставалась только победа. А мост превратился в символ, соединивший революцию и искусство. По его горящим бревнам, следуя за полками Бонапарта, музыка переходила из одного столетия в другое...

Когда композитор вошел в свою комнату, колокола Гейлигенштадта уже звонили к вечерне. Хозяева отправились в церковь, и дом дремал в тишине заката. Наступил тот прекрасный час мягкого света и длинных теней, который успокаивал дух и располагал к размышлению. Бетховен сбросил на кровать пелерину, поправил спутанные ветром волосы и уселся перед фортепиано. Только сейчас он почувствовал, как устал. Но он испытывал какой-то странный голод к работе: нет, надо проиграть все, что он слышал там, наверху, между лесом и облаками. Левая рука коснулась басов, затем средней октавы и...

Музыка словно только этого и ждала. Как же долго он мучился над тем, что сейчас заставляло инструмент ликовать, подчиняясь его воле! Взяв начало от титанических аккордов первой части, во второй части симфония превратилась в долгий и страшный плач, чтобы в третьей перейти в красивейшую кавалерийскую атаку, а потом наступал финал. Венгерская тема поднималась ввысь, утверждая победу жизни, торжествующей вопреки смерти. Эта победа, красивая и чистая, несла на своих крыльях весь мир. Герой уже не был конкретной личностью, он был олицетворением времени, веры в перемены, добро. Музыка лилась свободно, как легендарная река Альпоне, на дне которой сияли звезды. Композитор так увлекся, что не почувствовал прикосновения к плечу: служба в церкви давно кончилась, хозяева вернулись, и внизу ждал накрытый к ужину стол.

— Господин Людвиг! — повторила несколько раз женщина и, потеряв терпение, крикнула: — Разве вы не голодны?

— Что? — отозвался Бетховен, глядя на крестьянку ничего не видящими глазами.

— Разве вы не голодны, спрашиваю?

— Не голоден? Ах да, голоден, конечно! — воскликнул музыкант и вскочил со стула.

— Я уже два часа жду, когда вы закончите, а вы все играете и играете...— с упреком сказала женщина.— Ужин остыл...

— Остыл? Да нет, нет! — пробубнил виновато Бетховен и весело бросил: — Ужин и музыка не могут остыть...

— Это так! — убежденно подтвердила крестьянка и медленно затопала по дощатой лестнице.

Спустя минуту Бетховен ел из глубокой глиняной миски самый вкусный на свете суп...

К середине 1804 года симфония была полностью завершена. Бетховен собрал листы, пронумеровал их, и в правом верхнем углу первой страницы вывел: «Буонапарте».

Он долго глядел на витиеватые буквы, которые были одновременно и посвящением и заглавием, и затем написал внизу: «Луиджи ван Бетховен». Бережно свернул листы, крест-накрест перевязал веревочкой и положил пакет на колени. Потом положил на пакет руки. Тяжелые руки лежали устало, словно руки пахаря, перепахавшего всю огромную землю. Он чувствовал себя опустошенным, будто вся кровь вытекла из него вместе с музыкой...

«Где сейчас Бернадот?» — подумал Бетховен и вдруг вспомнил о приглашении князя Лобковица, который обещал прислать за ним карету. Князь писал, что в начале июня хочет организовать гала-концерт в своем новом дворце, открытие которого «непременно должно быть освящено новым ми-бемоль-мажором куда-то исчезнувшего Бетховена». На самом деле Лобковиц был хорошо осведомлен о «пропавшем», о нем рассказывали друзья, время от времени навещавшие композитора. Они знали, что он работает над симфонией, правда, не догадывались, кому она посвящена. Об этом знал только Рис, ученик и самый близкий друг, давший торжественную клятву не выдавать тайну. Так что в начале июня в Вене может произойти очередной скандал: суетливым парикам предстояло услышать творение, вдохновленное революцией. Впервые им придется увидеть в республике не военную силу, а триумф духа. Бетховен представил себе их изумление и мрачно усмехнулся. Уже не «бедное фортепиано» графа Разумовского, как выразилась старуха Эстергази, а целый оркестр лучших венских музыкантов должна будет прослушать тайная полиция...

И все же как изменился мир в последние несколько лет! То, что совсем недавно считалось незыблемым правилом этикета (даже слуг возмущало, например, неумение Бернадота делать тройной поклон), сегодня всеми признается безнадежно устаревшим. Тройной поклон с подскоком и некоторые другие тонкости этикета стали немодными, и в салонах стало чуть меньше чопорности. То же случилось и в музыке. Бравурные звуки, презираемые изысканным аристократическим слухом, все настойчивее включались в огромный оркестр времени. Аристократической Вене все чаще и чаще приходилось поглядывать на улицу, где разгорались горячие споры о будущем Австрии. И симфония, которую князь Лобковиц просил исполнить в его новом дворце, станет веским словом в этих спорах. Потому что она — само время, пронизываемое молниями бунта.

Императорский город все еще помнил о поражении при Арколе, и обида попрежнему витала в салонах, заставляя мечтать о реванше. Даже Лобковиц, который, в общем, был миролюбивым человеком, как-то поделился с Рисом мыслью о том, что июньский концерт надо превратить в манифестацию против «искусства капралов». Бедняга! Он и не подозревал, что симфония, которую ему предстояло услышать, несла в себе дух так перепугавших австрийский двор баррикад. Композитор взглянул на пакет, перевязанный разноцветной веревочкой, и поморщился. Ему не хотелось огорчать Лобковица. Но грядут времена, когда искусство не будут интересовать настроения князей и принцев...

Вечером князь представит его своим оркестрантам: «Господа, вот создатель нашей новой симфонии!» И господа поклонятся учтиво. В свою очередь, ему также надо будет поклониться и изречь слова благодарности: ведь фраза «наша новая симфония» — выражение самого высокого благоволения. А потом? Бетховен мрачно усмехнулся. Симфония, на листы которой он положил тяжелые усталые руки, создана для иной судьбы. Эта музыка будет гордиться своим создателем.

Внизу, под окном, раздался топот копыт: прибыла карета от Лобковица. Композитор сунул под мышку пакет, накинул пелерину. Затем огляделся вокруг, словно навсегда хотел запомнить эту беленую комнату, взял кожаный чемодан и двинулся к двери. Старая лестница заскрипела под коваными башмаками, и он почему-то подумал, что там, внизу, его ждет нечистая сила...

Перевел с болгарского
В. МИЛЮТЕНКО

Окончание следует

со стр. 24 ▼

ВОПРОС — ОТВЕТ

Что произошло с участниками группы «Кристи» и что сейчас делает Сюзи Куатро?

В. П. Черных, г. Стаханов

К сожалению, что стало с музыкантами из группы «Кристи», неизвестно, потому что это лондонское трио пропало из поля зрения столь же неожиданно, как и появилось на рок-н-ролльном небосводе. Зато их песню «Желтая река», похоже, помнят до сих пор.

Сюзи Куатро тоже сошла со сцены. С 1973 по 1982 год она успела выпустить одиннадцать альбомов, из них удачными можно признать лишь первые два-три. Что с этой певицей сейчас, пресса не сообщает.

Я записал на магнитофон группу «Муди блюз», но ничего о ней не знаю.

А. Тырса, г. Кременчуг

Английская группа «Муди блюз» сыграла свою роль в формировании британской рок-музыки. Еще в шестидесятые годы этот ансамбль развивал отдельные элементы направления, получившего впоследствии название симфо-рока, затем был в числе первых групп, применявших синтезатор. Но надо сказать, что ни одно из своих увлечений группа не доводила до конца, в результате их «фирменное блюдо» — спокойная, мелодичная музыка, такие песни, как «Ночи в белом атласе». В 1981 году «Муди блюз» предприняли попытку вновь привлечь к себе внимание, и это им удалось: диск «Путешественник на длинные дистанции» был хорошо принят публикой и критиками. Существует ли группа до сих пор, мне неизвестно, поскольку музыкальная критика не упоминает о ней.

Огромная просьба — «Генезис». Расскажите.

Десять подписей, г. Донецк

Ансамбль «Генезис» возник в 1969 году, тогда же выпустил свою первую долгоиграющую пластинку. Поначалу стиль ансамбля не поддавался определению, поскольку там было всего понемногу, но со временем стало ясно, что «Генезис» стал играть так называемый «прогрессивный рок» (его еще называют арт-рок, иногда — симфо-рок). Пожалуй, критическим моментом для ансамбля стал уход вокалиста Питера Гэбриэла. В результате некоторых «перемещений» у «Генезиса» появился новый вокалист — бывший барабанщик Фил Коллинз; интерес представляет и соло-карьера Гэбриэла, который раскрылся с новой стороны.

Потом, как вы, вероятно, знаете и по названию диска, «их осталось трое». И тут-то группа выпустила серию пластинок, последняя из которых вышла в 1983 году и так и называлась «Генезис». Посмотрим, что будет дальше.

В передаче по радио я услышал об одном ансамбле из Амстердама, не помню названия, что-то вроде «Мы в коротких штанишках». Что это за ансамбль?

С. Мацаков, г. Элиста

Группа, о которой вы пишете, называется «Шорты» («Шортс») — намек на юный возраст ее участников, она — из Голландии. Популярной стала из-за одной-единственной песни, названной по-французски «Комман са ва!», что в переводе означает «Как дела!». Но, кроме нее, насколько я знаю, «Шортс» ничего примечательного так и не создали.

Слышал запись ансамбля «Нена», он мне понравился, не могли бы вы рассказать о нем.

А. Бирюков, г. Стерлитамак

«Нена» — это не только название группы, но и имя ее вокалистки. Этот ансамбль из ФРГ стал популярен с песней «99 воздушных шариков», но повторить свой успех так и не сумел, поскольку последующие песни оказались малоинтересными.

Я очень люблю ансамбль из Великобритании «Смоки», хотя он уже и не модный. Нельзя ли уделить немного внимания этой группе?

Олег К., г. Свердловск

Об ансамбле «Смоки» мы уже однажды писали — в № 5 за 1980 год. С тех пор дела ансамбля шли совсем плохо, последняя пластинка группы, о которой упоминается в зарубежных справочниках, вышла в 1980 году. Чем занимаются музыканты сейчас, неизвестно.

Ответы подготовил Л. ЗАХАРОВ

ДВЕНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ XII ВСЕМИРНОГО. А это мгновение — обаяния и красоты, которые буквально переполнили фестивальную Москву. На снимке фотокорреспондента Е. СТЕЦКО, помещенном на первой странице обложки мартовского номера «Ровесника»,— юная кореянка, делегат XII фестиваля из Корейской Народно-Демократической Республики.

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ.
Художественный редактор В. В. Рыжов
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Т. П. Максимова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул. 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 15.01.86. Подп. к печ. 12.02.86. А07643. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 1 125 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2560.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Представляем читателям «Ровесника» пять из двухсот экспонатов выставки китайского прикладного искусства, проходившей в Москве в Музее народов Востока. И хотя наш вернисаж очень скромен, он тем не менее дает возможность судить о неповторимом своеобразии, неуемной силе творческой фантазии, сочном национальном колорите искусства, родившегося много веков назад в самой гуще народной жизни.

Павлин — излюбленный сюжет китайских художников. Выполненная на серебряном блюде (4) или «нарисованная» перьями (1), эта птица символизирует беспредельное богатство природы. А фарфоровую статуэтку китайской красавицы мастер так и назвал «Красавица» (2). Куклы из тончайшего шелка и воздушного газа традиционно олицетворяют героев народных легенд и преданий (одну из них вы видите на снимке 3). Забавные львята (5) выполнены из ткани.

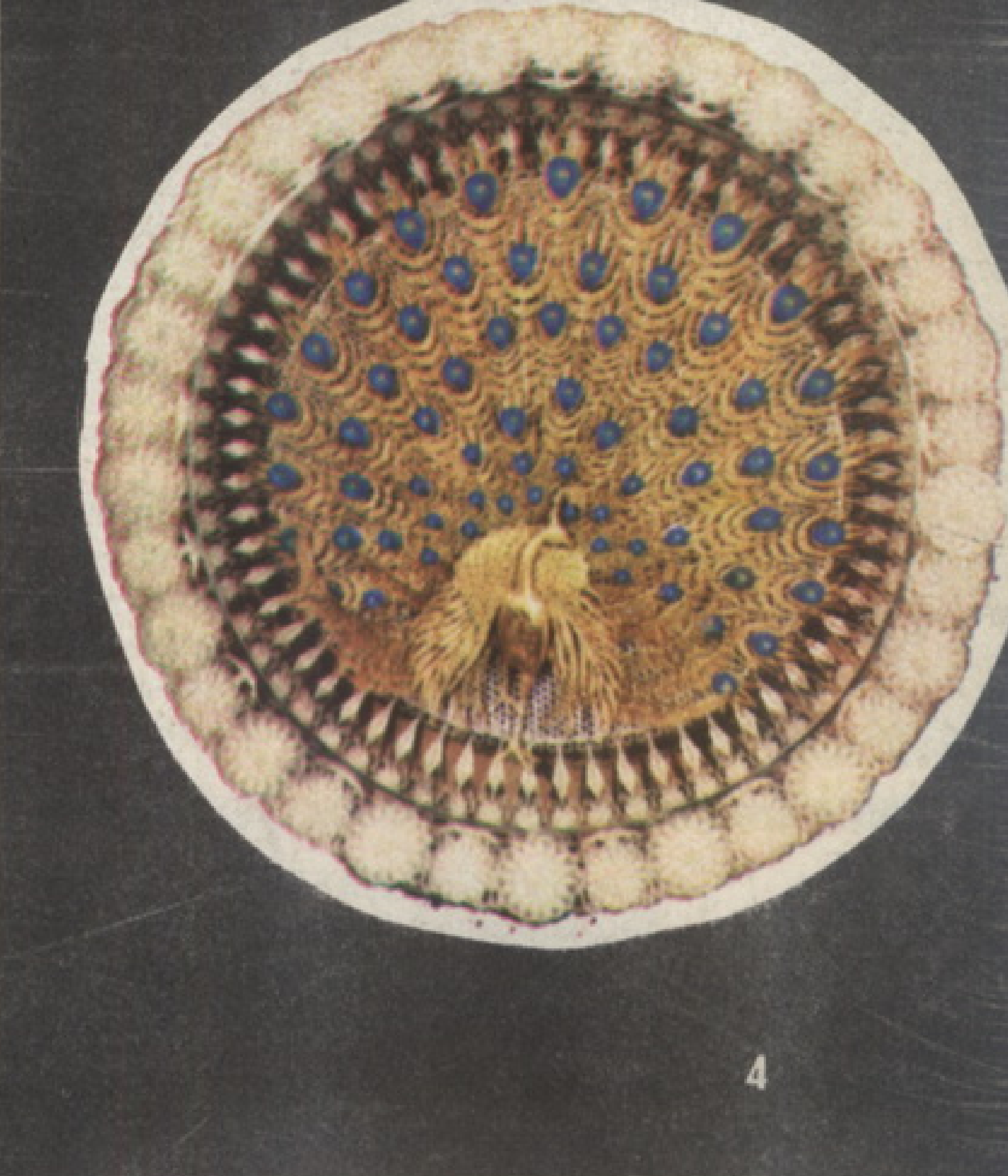
1

2

3

4

5

Индекс 70781
Цена 35 коп.